М. Красовская
Н. Кроноцкая
18+
Асенька
и ее зверь

Марианна Красовская

Асенька и ее зверь

«Автор»

2022

Красовская М.

Асенька и ее зверь / М. Красовская — «Автор», 2022

Каково это — быть женой оборотня? Восхитительно, сложно и порой очень опасно, Особенно, если ты обычный человек. Вместе с мужем Настя пытается разыскать следы своих родителей, а находит странные записи, новых врагов и саму себя.

© Красовская М., 2022
© Автор, 2022

Содержание

1. Пролог 5
2. Семейный отпуск 7
3. Память 12
4. Дорога 16
5. Настоящие мужчины 19
6. Наш дом 23
8. Привет от Сибировых 30
9. Письменные источники 33
10. Самое доброе утро 37
11. Валентин 41
12. Опытным путем 44
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Нани Кроноцкая, Марианна Красовская Асенька и ее зверь

1. Пролог

– Нась! Вставай, слышишь! Я нашел, я понял, я знаю!

Ванька вопил на весь дом так, как будто бы раскопал Атлантиду в просторах гостиной. Он вылетел в кабинет, ставший теперь их с Владом совместным, возбужденный, взъерошенный, размахивая странного вида то ли книгой, то ли тетрадью для записей: кожаный переплет, плетеные из тоненьких нитей закладки.

Настя закрыла ноутбук. Влад был в столице сегодня, приедет лишь вечером, девочек взял с собой – на какой-то там детский спектакль под присмотром их нянечки новой, младшей племянницы росомахи – Варении (детям ужасно понравилось это имя).

– Что там у тебя, открыватель вселенной?

Он швырнул раскрытые настежь страницы ей прямо на стол, тыкая пальцем в ровные буквы, написанные круглым почерком:

“Основы родовых ритуалов всех древних двуликих родов”.

Настю будто ошпарило. Нигде еще не удавалось найти даже крох информации. На Лукане бумажные документы всегда не любили, предпочитая передавать самые важные сведения устно. Глупо и ненадежно.

И вот перед ними лежал, вероятно тот самый, бесценнейший ключ к главным тайнам Луканы.

***

В маленькой комнате с низким потолком темно и душно. На окне не задернута ситцевая занавеска, и круглая луна освещает стол, шкаф и кровать не хуже уличного фонаря. Лениво жужжат деревенские комары, что-то еле слышно бормочет радиоточка в кухне. За окном трещат кузнечики, тихо шелестит листва, поскрипывают ветви старой яблони.

Маленькая девочка на высокой кровати не спит. Она спряталась под одеяло, ей очень-очень страшно. Малышка боится монстра. Он уже рядом, он здесь, она это чувствует, знает. Глухое рычание, удар когтистой лапой по тонкой фанерной двери. Девочка не кричит – просто не может. Горло перехватывает от ужаса. Дрожа, она накрывается с головой тяжелой и твердой подушкой, желая только лишь одного: чтобы монстр не нашел ее, сгинув в темноте летней ночи. Но страшный зверь не исчезает, он подходит к постели уверенно, неторопливо – и когтями подцепляет тонкое байковое одеяло, лапой отодвигая подушку. Ребенок от ужаса открывает глаза. Монстр. Это вовсе не медведь и не волк, даже не тигр. Таких животных не рисуют в детских книжках. В свете луны чудовище кажется почти черным, но его маленькие злые глазки бешено сверкают зеленым огнем, жуткая морда оскалена, острые белые зубы торчат, как кинжалы.

Снова глухое рычание, зверь запрыгивает на жалобно заскрипевшую кровать и опускает мохнатую толстую лапу прямо на ногу окаменевшему от смертельного страха ребенку.

В ответ детский крик прорезает полотно жуткой ночи, как нож. Изо всех сил кричит девочка, словно от этого крика зависит теперь ее жизнь.

– Мама!!!

И просыпается.

И нет никакого скрипа кровати, это просто машина подпрыгнула на дорожной колдобине.

– Снова кошмары? – встревоженный голос мужа рядом. Как хорошо, когда он под рукой. Даже кошмары сразу становятся просто снами.

– Да, – выдавливает с тудом из себя, прислушиваясь к лихорадочному биению своего сердца. Пытается дышать глубже, но глаза закрывать все еще страшно. Горячее дыхание зверя на лице словно еще не остыло.

Немой вопрос в подбадривающем мужском взгляде.

– Да. Монстр в моей постели, – нервный смешок, она закуталась в плед поплотней и добавила, словно слова эти что-то могли изменить: – это точно был не медведь, я уверена.

Влад задумчиво посмотрел на жену, снова тревожно вглядываясь в глаза ее, разве что пульс не пощупал.

– Да уж. Монстров кроме себя в твоей постели я видеть совсем не хотел бы. Ну, выше нос, Асенька. Разберемся мы и кошмарами. Как ты, еще не передумала?

– И не рассчитывай, Беринг. От меня теперь просто так ты не отделаешься.

©М. Красовская, Н. Кроноцкая, октябрь 2022г

2. Семейный отпуск

Настя быстро и неумолимо взрослела. Училась находить удовольствие в тех вещах, которые раньше казались ей нудными, совершенно ненужными и неприятными.

Долгие путешествия она никогда не любила. В городе девушка предпочитала передвигаться пешком. В Урсулии расстояния ощущались все совершенно иначе: мир острова был уютен и казался ей очень компактным. Перемещения на тамошнем транспорте, без грязи, грохота трасс и удушливых запахов технической цивилизации не утомляли. Она научилась любить эти часы, рядом с мужем, на переднем сидении снегохода, автомобиля или даже циклолета.

Но теперешняя их одиссея обещала быть долгой и трудной. И чувства эта мысль вызывала у девушки неоднозначные. Хотя…

Рядом с Владом даже время текло иначе. С ним было всегда интересно и очень уютно. Даже в бензиновом автомобиле. Они ехали уже много часов, а Настя все еще не устала ни от дороги, ни от собственной болтовни.

С любовью улыбнулась мужу, поймав его быстрый взгляд.

– Ты такую машину умеешь водить , Асенька?

– Конечно, нет, – хмыкнула девушка. – Откуда? Но правила знаю. Когда… хм… Валька пытался сдать на права, – Настя чуть покраснела, произнося имя бывшего своего парня. – Я с ним все и выучила.

– А почему же сама не сдавала? – Беринг был абсолютно невозмутим. Он вообще никогда не рефлексировал, строго придерживаясь их негласного общего правила: “Все, что было – прошло, идем дальше и не оглядываемся.” У Насти так легко это не выходило. – На тебя не похоже. Ты у меня очень смелая умница.

– А! – отмахнулась, задумавшись на секунду. – Денег не было, да и машины тоже. Разве я могла тогда предположить, что все так изменится?

– Учиться надо здесь, у нас дома все совершенно иначе. Сдав на права в мегаполисе, ты сможешь водить даже космотранс, как мне кажется. Попробуем все успеть, я подумаю… – пообещал Влад, улыбаясь одними глазами.

– И я хочу! – тут же встрепенулся на заднем сидении Ванька.

– Ты сначала со снегохода падать перестань. И с лошади тоже. Сначала научишься думать и риски рассчитывать. А потом и поговорим.

Ванька насупился. Эта лошадь… Он давно был уверен: Беринг такую ему специально нашел: вредную, кусачую как крокодил, умную как обезьяна. Как с нее было не падать, когда это копытное могло выступать на соревнованиях по художественной акробатике и уверенно там побеждать? Да она кувыркалась лучше, чем сам Ванька, скидывая его неизменно, хоть гвоздями себя прибивай. И ехидный взгляд Влада точно ему говорил: “Пока не победишь эту лошадь, никаких тебе больше наук!” Оставалось тоскливо вздыхать и смотреть в окно, пряча незваные слезы.

Настя тихонько поерзала. Ей все больше нравилась эта дорога, нравилось просто сидеть рядом с Владом, искоса и незаметно за ним наблюдая. Не так уж давно она замужем, не успела еще изучить все черты его, все привычки. Не умела точно угадывать настроение, лишь отдаленно догадываясь, какие там, за этим высоким лбом, бродят мысли. Но любоваться могла, даже уже не скрываясь. С восторгом разглядывала прямой крупный нос с чуть заметной горбинкой, чутко и ярко очерченные, очень красивые его губы и черную щетину на щеках. В Руме Влад брился два раза в день – утром и вечером, а Настасья, смеясь, наблюдала, как он отмеряет три пальца вниз по шее от линии челюсти, отделяя заросли на груди от зоны цивилизованной выбритости. Как и любой морф, он растительностью обрастал очень быстро. Сейчас же они ехали уже больше двенадцати часов, и Беринг уже был практически бородат.

А Настеньке нравилось, хотя в прошлой жизнь волосатость мужчин вызывала в ней некую даже брезгливость. Просто… все они не были Владами.

Ей вообще абсолютно все нравилось в нем.

Сильные крепкие руки, увитые выпуклыми темными венами под смуглой кожей, машину вели спокойно и очень уверенно. Он молчал, чему-то мечтательно улыбаясь, и лишь иногда поглядывал в зеркало заднего вида на крепко уснувшего Ваньку. Беринг мальчишку с собой брать вовсе и не планировал, уверенный, что прекрасно справится с раскрытием странных всех тайн их семьи самостоятельно. Тем более, что с собой он привел целый отряд охраны и сопровождения: сплоченная группа братьев Сибировых уже следовала по оговоренному с ними маршруту.

К тому же ему выпал редкий шанс провести это лето наедине с женой, сдержав обещание и устроив им наконец медовый месяц.

Но Ванька, ершистый и не по годам быстро взрослеющий, если решил уж чего, то мог переупрямить стадо горных козлов вместе с их пастухом и самими горами в придачу. Тем более, за брата вступилась вдруг Настя. Внезапно.

– Ты пойми, Влад, Ваня просто хочет поглядеть еще раз на свой дом. Попрощаться, наверное. К тому же кто, как ни он, знает там все тайники, и все щели? Ну и сам подумай: это его отца наследство. Он имеет право.

Влад вздохнул. Спорить с Асей он не любил, к тому же она действительно говорила резонные слова. Да, Иван имел право. Именно он нашел ту самую тетрадь всю исписанную отцовскими комментариями, с которой все и началось.

– Дорога долгая, Ась, – Влад пытался давить на ее чисто женскую жалость, единственное слабое Настино место. – Почти сутки в машине, потом – неизвестно.

– Сутки? – Настя сморщила лоб недоуменно. – От Белогорья до Ярославской области? Почему так мало? Или у тебя не машина, а вертолет?

Ясно. Стрелки перевела, ее излюбленная манера. Беринг тихо вздохнул. Он пытался, и совесть чиста, ничего не поделать теперь, нет у него против любимой оружия. Хорошо лишь, что сама его юная супруга об этом еще не догадывалась совершенно. Пока.

А Настя пыталась припомнить, сколько времени заняло их путешествие осенью прошлого года – и не смогла. Все, что отложилось в ее памяти от той дороги – только страх, целый ворох тревог и бесконечная усталость. И тонким лучиком теплым в той тьме: неожиданная доброта самого Влада и трогательная забота о всех них.

Теперь же она – настоящая его жена, не фиктивная. Подруга, возлюбленная, спутница. И ее очередь была заботиться о своем восхитительном муже. Она и заботилась: скармливала Владу приготовленные загодя бутерброды, наливала горячий крепкий травяной чай в его личную термочашку, не беспокоила его на заправках, когда он откидывал голову и закрывал устало глаза.

Влад был словно железный: достаточно было десятка минут, короткой передышки, и вот они снова в пути, и потоки огней навстречу, шорох колес по дороге, гул машин.

Начала короткого русского лета Настенька никогда не любила. Особенно такого, каким было это: приход весны явно был поздним, сама она очень дождливой и в конце серого мая еще вовсю цвела ошалевшая от такого климатического беспредела черемуха. Грязно, серо, дождливо. Яркими бликами юной зелени эта серость едва разбавлялась, зато комаров и мошки, норовящих влезть в малейшую щель одежды на каждой стоянке было предостаточно.

Но рядом с Берингом все кардинально менялось, словно обретало осмысленность и глубину. Она готова была ехать с ним вот так вечно, не обращая внимания на затекшие ноги и уставшую спину.

К Глухаревке подъезжали уже ранним утром. Мокрая унылая деревня по-прежнему не вызывала у Насти никаких приятных воспоминаний, зато Ванька весь извертелся на заднем

сиденьи. Правильно она мужу сказала: какой-никакой, а это его родной дом, до их отъезда в Урсулию другого он и не знал никогда. Здесь прошло его детство. Каким оно было? Не им совершенно судить.

Джип Беринга, переваливаясь как утка, на глубокой и коварной колее, заполненной смесью грязи песка и воды, свернул на единственную деревенскую улицу и остановился у сломанного и обугленного забора. Настя ахнула пораженно, выскочила из машины, тут же провалившись в лужу едва ли не по щиколотку. Сдавленно выругался Ванька. Витиевато, как взрослый мужик.

Дома Шапкиных больше не было. От него не осталось даже обгоревшего остова, лишь внушительная куча чистого пепла, пропитавшегося весенней влагой и оттого уже черного. Вообще ничего: ни стальных старых кроватей, ни печки. Голое пепелище.

– Нась, – гулко сглотнул мальчишка. – Как же это вышло?

– Я не знаю. Может, газ… Или бомжи сожгли?

– Да откуда здесь бомжи? – зло выкрикнул Ванька. – Я знаю! Это все он!

– Кто – он? – Влад, вышедший из автомобиля следом за ними, был собран и обманчиво-спокоен. Но Настя не раз видела его уже таким и не обманывалась совершенно. Это была спокойная уверенность хищника, вышедшего на тропу охоты.

– Урод этот, чтоб его… чтоб ему дом наш под ребра воткнулся и перевернулся! Поди узнал, что мы уехали, и тут же вернулся.

– Соседи. Самый надежный источник информации. Идемте, расспросим соседей. – Беринг присел, задумчиво трогая пепел и даже принюхиваясь. – Деревня же, не голимая тундра. Иван, вспоминай, кто тут у вас тут самый наблюдательный и разговорчивый?

– Бабка Варя, наверное, – внезапно осипшим от непрошенных слез голосом ответил Ванька. – Ведьма старая, она везде свой нос сует. Или еще можно у Гришиных спросить, они хорошие. Папка с ними дружил.

– Вот к Гришиным и пойдем, раз дружил и хорошие – Беринг встал, отчего-то внимательно разглядывая старую яблоню, росшую когда-то под окнами этого дома. – Веди, Сусанин.

– Я не Сусанин, – буркнул мальчишка обиженно. – Сусанин – тот полупроводник был. А я в болота никого еще не завел. Я…

– Это да. В болота еще не водил. Впереди у нас все еще, я так думаю. Потенциал у тебя ого-го и задатки имеются. Так уйти можешь в лес, что вертолетами не доискаться, – медведь улыбнулся насмешливо. – Пойдем уже, полупроводник, время не терпит.

Ванька только фыркнул подчеркнуто-громко и глаза закатил. Мол, старое кто помянет…

Дом напрочь забытых Настей Гришиных был большим и добротным. Бревенчатый, как и большинство деревенских домов, он выглядел обихоженным. Стальная красная крыша, ажурные резные наличники над чистыми окнами. Полог кружевных штор за стеклами, непременная цветущая герань на подоконниках. Глухой забор из проф-листа под цвет кровли, антенна-тарелка, угнездившаяся у круглого мансардного окна. И как кокетливая деталь, завершающая пасторальную композицию успешного домохозяйства – флюгер в виде петуха на крыше.

Беринг нажал на кнопку звонка, чутко прислушиваясь к происходящему за забором.

Калитку открыл им, видимо, сам хозяин – пожилой уже и пузатый мужик в фуфайке, семейных трусах да резиновых сапогах. Уставился вопросительно на незваных гостей.

– Дядя Валера, а это я, Иван Шапкин, – выскочивший вперед мальчишка лучезарно ему улыбался. – Это Настя, сестра моя старшая, и ее муж.

– А, Иван, – мужик внимательно окинул взглядом всю компанию, зорким глазом отметив и новую Ванькину куртку, и заляпанные грязью Настины джинсы и кроссовки, и солидную экипировку Беринга (он был в летнем горно-штормовом костюме, униформе всех экспедиционников. Энцефалитки еще не хватало). Настю саму рассмотрел он отдельно, очень внимательно, даже прищуриваясь, словно старался припомнить ее. Видимо, удалось: согласно кивнув ей,

продолжил приветливо. – А я слышал: вас опека в детский дом увезла. Мы уж со Светкой даже думали вас по весне навестить, может, и забрать к себе даже. А вон оно как вышло. Сестра, значит. Дочка старшая Марусина, как же. А похожа, ага. Совсем стала взрослая. Ты меня и не помнишь, поди?

Комары плотоядно облепливали голые колени хозяина, что придавало его монологу некоторую нервозность.

– Помню, дядя Валера, – вздохнула Настя. Она вдруг действительно многое вспомнила: дом этот Гришинский, старый сад их большой и хозяев. – Как я с вашей вишни свалилась и платье порвала, а тетя Света меня потом успокаивала и компотом поила.

– Да, а помнишь, как ты на заборе повисла, да слезть не смогла, и орала как поросенок неврезанный?

Настя скромно потупилась, а Ванька покосился на сестру со все возрастающим уважением. Подобных подвигов он от этой рыжей зануды он не ожидал.

– Так, а приехали-то вы зачем?

– С оказией, – Влад тоже разглядывал хозяина дома, приветливо улыбаясь ему, – Хотели на дом поглядеть, кое-какие вещички забрать… памятные. А тут такое…

– Да, зимой еще дом их сгорел. Полыхало, как та Хиросима – мужик кивнул, открывая калитку пошире. – Ну вы это… с дороги-то уставшие? Чаю, может, хотите?

– Не откажемся, – кивнул Беринг задумчиво. – Вань, сгоняй-ка в машину, принеси из багажника нашу заначку.

– Ну проходите что ли, – Валерий Гришин, кажется, не ожидал их согласия, но теперь слов обратно забрать было нельзя. – Только бардак у нас, уж не обессудьте.

– Ничего, мы привычные, – проворчала Настя. – У самих дома трое детей. Да еще и друзья их в гости приходят очень часто.

– Так вы и белок этих диких забрали?

– Ну конечно, а разве можно было по-другому?

Дождались Ваньку, с трудом тащившего огромный бокс- холодильник с урсулийской снедью. Здесь были: и рыба соленая в подарочной упаковке, и румяный окорок, головка роскошного козьего сыра, несколько кругов колбасы, упаковка чипсов из нежной крольчатины, большая стеклянная банка крупной красной икры. Настя еще громко ворчала на мужа, что столько им не съесть ни за что, а он посмеивался и упаковал все в дорожных их холодильник.

Прошли в ухоженный двор. Да, не все деревенские жители были такими, как думала Настя недавно. Гришины жили если и не богато, но в полном достатке. Сразу видно, что в доме был крепкий хозяин.

Крыльцо не скрипело, двери все закрывались отлично, да и двор радовал своей ухоженностью: чистый газон, цветник с алевшими в нем яркими пятнами запоздалых тюльпанов, раскидистая сирень тоже цветущая тяжелыми ароматными гроздьями. Отцветающий сад, нарядный, с колоннадой беленых стволов, лавочки крепкие в палисаднике, крепкая сруб-песочница. И качели, мечта всего Настиного детства.

– Светк, а я гостей к нам привёл! – рявкнул дядя Валера. – Давай чайник ставь! Вы проходите, я хоть штаны надену пока и порося покормлю. Рано как приехали… В самый раз к завтраку.

Тетю Свету в лицо Настя не помнила совершенно, зато та ее сразу узнала… ну или сделала вид, а вот Ванька вызвал у неё бурное восхищение.

– Как вырос-то! – ахала тетка. – И подстрижен по-городскому! Глянь-ка, в джинсах! А ну, Иван, скажи, небось и в школу ходишь?

– Угу. В шестой класс уже.

– А учишься как?

– Ну… средне, – вздохнул Ванька. – По математике десятки… в смысле, пятерки, а вот язык мне совсем не даётся, и сочинения писать не умею. У меня или рассказывать получается или ошибки не делать. Все вместе – никак.

– Так ведь он в школу-то и не ходил, – радостно сообщила молчавшему Берингу, с трудом разместившемуся на крошечной кухне, хозяйка дома. – Да и когда ему было, за сестренками своими присматривал, грибы да ягоды собирал, в огороде копался. Да и зачем нам в деревне вся эта учёба? Вон у меня Данька после девятого класса на тракториста учиться пошёл и теперь дом себе строит кирпичный, с нами-то жить и не хочет уже.

– Конечно, не хочет, – хохотнул появившийся в дверях Гришин – уже в потертых джинсах и клетчатой рубахе, что, должно быть, обозначало у него парадный наряд. – Ты же вокруг него как курица кудахтаешь, какой мужик это вынесет? Вот скажи, Настенька, ты тоже мужу трусы и носки утюжишь?

Ответа от Настеньки очевидно, не требовалось, супруги общались привычно, получая от дуэли взаимных подколов привычное удовольствие. Настя тайно им позавидовала: она все ещё опасалась выглядеть перед Владом дурочкой деревенской. Лишний раз не шутила, да и прежде чем что-то сказать, порой даже думала. Что, вообще-то, было для неё нехарактерно обычно.

Вздохнула сумрачно, опускаясь на кривоногий венский стул (и откуда тут такое чудо?). Огляделась, подмечая разительный контраст этого по местным мерком вполне добротного дома и “лесной избушки” Берингов. Низкие потолки, дощатые потертые полы, прикрытые замытыми до дыр ковриками, старая клеенка на столе, низкие окна. Новенькие кухонные ящики на стене смотрелись чем-то совсем инородным. Алюминиевые ложки, граненые стаканы в подстаканниках – вполне себе ретро-стиль. Тюлевые занавески на окнах. Но странное дело: – несмотря ни на что, тут было уютно. И как-то по-домашнему, что ли. Не то запахи старого дома ей вскружили голову (точно так же пахло в доме Анискиных-Шапкиных), не то дешевый крепкий чай, блюдце с вареньем и баранки на столе остро напомнили беззаботное студенческое время. Они с Валькой вот так же чаевничали. Экономили на всем, порой делили последнюю сосиску пополам, но твердо были уверены: впереди их ждет прекрасное будущее. С каждым днем будет все лучше. Теперь же она вообще не была ни в чем уверена. Точно взрослеет.

3. Память

Выпив чаю и поболтав ни о чем, они снова вернулись к этому скорбному месту. Соседи (вполне ожидаемо) ничего подозрительного не видали. Так странно… Их маленький двор теперь выглядел, как большая могила. Тут было похоронено их с Ванькой детство, и от этой мысли всю душу Насти выворачивало наизнанку.

Ей еще совсем недавно казалось, что из памяти стерто все, здесь когда-то происходившее. А теперь в сознании мучительно всплывали короткие и очень яркие отрывки событий из самого раннего детства. Первые шаги вокруг яблони, скрип их калитки, вкусный запах картошки вареной, прямо из печки. Бабушка: дородная, крепкая женщина, строгая и решительная. Пахла она изумительно, Настя помнила этот запах.

А еще она вспомнила вдруг, что до появления Шапкина жили они очень бедно и странно: мать пропадала в каких-то командировках (как бабушка ей говорила). На столе была только картошка, да овощи с огорода. Зато чистота в доме была необыкновенная, а это она тоже помнила. Салфеточки белые, кипенно-снежные занавесочки.

Момент, когда в их жизни появился этот странный мужчинаНастя не помнила совершенно. Зато мать теперь не уезжала, девушка помнила ее: вдруг похорошевшую, свежую, очень веселую. Как они с ней читали учебник по природоведению, как учили стихи. Жили тогда они сытно, в достатке и весело. Потому и так горько было ей до сих пор их расставание. Не простила… До сих пор все произошедшее в душе Настя называла тяжелым словом “предательство”, и не иначе.

А теперь… Кажется, долгий и утомительный путь был ими проделан напрасно. На пепелище не осталось ничего ценного, сгорело все совершенно. Настя подозревала, что если что и было – это украли еще до того, как поджечь.

Влад, сидящий на корточках и что-то снова разглядывавший в куче чистого пепла, хмурился. Ванька просто шмыгал носом.

– Насть, а можно на кладбище мне сходить? – наконец, выдавил из себя мальчишка. – Я там в прошлом году частенько бывал, думал цветов каких посадить… Ну, чтобы маме лежать было красиво.

– Можно и нужно, – ответил за девушку Влад. – Непременно сходим, теперь же. Ох, и не нравится мне этот поджог. Скажи, Иван, тот человек, что с вами жил в последние дни, он каким был? Не было ли у него странностей? Все, что помнишь, говори, любые мелочи. Цвет глаз, количество зубов, привычка бегать по утрам…

– Ага, бегать. За пузырем, – хмыкнул Ванька. – Вот как утром просыпался, сразу и бежал. Спортсмен! Мастер спорта по литроболу!

– И как мастера этого звали?

– Толик-алкоголик, ага.

– Вот как… – Беринг поднялся, отряхивая ладони, и тяжело вздохнул. – Грузитесь в машину, поехали. Делать здесь больше нечего.

– А дальше?

– Мои золотые, а дальше все как и планировали, ничего не меняется, едем домой ко мне, в Питер… – Он замолчал словно прервав сам себя, – к нам домой. По дороге закидываем Ваньку в лагерь, конечно. Мы с вами как бы, если вы не забыли, работали все это время в одной экспедиции в Белогорье. У меня камеральные, масса работы, отчетные конференции… Работа не ждет. Лето у меня пора очень горячая, нужно спешить. Ну, и конечно же, наше с вами важнейшее дело. Семейное.

Питер. Слова эти волшебные: лагерь, конференции, экспедиция. Настя с Ванькой восторженно переглянулись. Лето обещало быть… многообещающим.

Сразу стало даже как-то теплее, солнечнее. Ванька поскакал к машине, как козленок, а Беринг обнял Настю за плечи, уткнулся носом в растрепанные рыжие волосы и пробормотал:

– Не нравится мне все это. Пожар, Толик этот… и это пепелище. Видишь ли, оно как чистый лист бумаги: каждый, тут побывавший после пожара, оставляет за собой словно широкую подпись. А почитать было что. Запахи – вещь откровенная. Еще и яблоня эта. Ты заметила: дерево стоит рядом с домом, но совершенно не обгорело? Какие-то аномалии физики. Или… не аномалии.

– Ты что-то предполагаешь? – встрепенулась Настя, прекрасно помнившая, что запахи заменяют для морфов удостоверения личности.

– Я не могу с уверенностью сказать, – Влад задумчиво вытирал пальцы. – Ладно, нам пора ехать. Больше тут делать нечего.

– А Толик? Ты не хочешь ему задать пару вопросов?

– Очень хочу, но времени его разыскивать у нас просто нет. Если мои предположения верны, то… сначала я основательно позабочусь о вашей с Ванькой безопасности. И немедленно. К тому же, мне что-то подсказывает, – он снова вздохнул отчего-то, – деваться ему просто некуда. Всему свое время, родная.

Настя внимательно посмотрела на мужа и молча кивнула.

Несмотря на всю любовь к этому невероятному человеку, которая ее просто порой разрывала на части, с ним было непросто. Из прошлых отношений Настя вынесла совсем другой опыт. С Валькой все у них было на равных. Они знали друг друга отлично, и церемоний не требовалось: могли кривляться, зло шутить, ссориться и мириться сто раз на дню.

Влад был совершенно другим. Закрытый, загадочный, умный. Ироничный. Настя остро чувствовала, что не дотягивает до его уровня, но даже если бы и была она академиком или фотомоделью, ничего бы не изменилось. Он все равно был бы островом, на который волей случая для нее был построен тонкий и хрупкий их мост.

Открывался ей по-настоящему Беринг пока только в моменты их близости. Но сейчас это короткое счастье им было вообще недоступно: Настю смущало Ванькино присутствие, накопившаяся за последние все недели усталость. С каждым часом они становились все дальше, словно между супругами вырастала стена. Из недосказанности, недопонимания, странных тайн Беринга.

Насте все больше хотелось затопать ногами и, схватив мужа за грудки, потребовать, чтобы он немедленно рассказал все то, что уже сложилось у него в голове. Глупо и некрасиво. Да и смысл? Все равно не скажет. А истерика может только их больше еще отдалить.

– Я попрощаюсь с Гришиными и вернусь, когда еще свидимся, – сказала девушка тихо. – И можно уже ехать.

Влад кивнул, погруженный в свои тяжкие мысли.

Уехать возможно что навсегда, никому ничего не сказав, показалось Насте невежливым. К тому же она знала прекрасно, как мало в деревне событий. Их визит здесь будут вспоминать еще долго. Поэтому решительно толкнула отпертую уже калитку и постучалась в дом.

– Ну, мы поехали, – сообщила она тете Свете. – До свидания, наверное, даже – прощайте. Боюсь, мы нескоро вернемся.

– Погоди, Настен, зайди-ка на минутку, – тетка быстро огляделась и затащила девушку в дом. – Во-первых, я вам пирогов положу, и не отказывайся – дорога длинная, Беринг твой сказал, что в Питер намылились. Домашние пироги всяко лучше, чем забегаловки придорожные. А во-вторых… Не хотела я говорить при муже твоем, мало ли… Студент твой приезжал этой зимой. Тебя искал. В доме ночевал. Не знаю, может, важно это. Просил передать, что если ты вдруг вернешься – чтобы обязательно позвонила, у него к тебе разговор важный есть.

– А дом, случайно, не после его визита сгорел? – с подозрением спросила Настя.

– Случайно нет. Месяца два с тех пор прошло.

– Спасибо, тетя Света. За все спасибо.

– Не за что, дочка, поезжай с Богом.

Вот, значит, как. Валька приезжал. Зачем, почему? Что ему от Насти может быть нужно? Звонить она, конечно, не будет. Владу это должно не понравиться. В хрупких их отношениях только Валек еще не хватало.

***

Кладбище, старое как этот мир, было недалеко от деревни. Когда-то здесь была и церковь, но давно разрушилась, а восстанавливать, понятное дело, ее не спешили, да и никому это было не нужно. Жители Глухаревки по праздникам ходили через лес в соседнее село, где была часовня. Настя там была один только раз, когда бабушку отпевали. Зато на кладбище бегала часто. Сначала скрывалась там от матери, у которой порой бывали приступы странной злости, потом – сбегала от строгого отчима и кричащего младенца в доме. Сидела на могилке у бабушки, разговаривала с ней. Цветы сажала. Теперь вот к матери шла. И Ваньку понимала очень хорошо: пока родных ушедших вспоминаешь, вроде бы как они и не совсем мертвые. Живут внутри тебя. Хорошо, что она мать в последний путь не провожала, одним страшным воспоминанием меньше.

Машина, даже большая и мощная, проехать близко к кладбищу не смогла. Дорога представляла собой месиво из липкой рыжеватой грязи, камней и каких-то досок, видимо, выложенных для тех, кто ходил в это печальное место к своим предкам. Пришлось вылезать, натягивать резиновые сапоги и прыгать как зайцы. Могила Марии Анискиной нашлась быстро: с прошлого года новых захоронений здесь не было. Но даже если бы и были, пройти мимо ее скромной могилы было никак не возможно: на бурой земле, на прошлогодних ветках ели лежали алые как кровь гвоздики. Много, целый ворох. Довольно-таки свежих, живых.

Беринг вдруг сверкнул хищно глазами и весь подобрался, а Настя замерла, глазам своим просто не веря. Отчетливо вдруг поняла: горькие эти цветы не укладывались в ее представление обо всем здесь произошедшем. Она готова была увидеть полное запустение, неприглядный холмик, поросший сгнившей травой, даже могилу, разграбленную.

А над захоронением матери стоял большой черный камень, со срезанной полировкой гладкой гранью, да с выбитыми именем ее и двумя датами, в которые уложилась вся жизнь Марии Анискиной-Шапкиной. И эти цветы. Кто эту женщину помнил, кому она была так дорога? У Насти не было на эти вопросы ответов. Красные, как капли крови цветы были громким криком о чьей-то мучительной боли.

А Ванька, опустив низко голову, стоял и молчал. Ему было явно очень тоскливо и грустно сейчас. Настя обняла брата за плечи, он уткнулся ей в грудь и всхлипнул.

– Все будет хорошо, – сказала девушка. – Мы плачем не о мертвых, а о живых. Для мамы все закончилось, а для тебя – только начинается. Уверена, она бы не хотела, чтобы ты плакал.

– Да больно ты понимаешь, – буркнул Ванька, но глаза вытер рукавом. – Поехали, ладно.

– Да. Поехали.

Забрались в машину снова, тут же включая климат-контроль. Влад молчал.

– А все же у отца должны были быть записи, – неожиданно сказал Ванька с заднего сиденья. – Я ведь помню, он часто что-то писал в толстых тетрадях. Он вообще очень любил все записывать. И даже знаю, где прятал. Я пытался читать как-то, но совсем не понял. Наверное, этот урюк Толик стырил, а потом дом поджег.

– Или Валька, – неожиданно догадалась Настя и тут же виновато замолчала.

– Асенька… ты ничего мне не хочешь сказать? – тут же спросил Беринг, внимательно поглядев на жену.

– Он приезжал зимой, мне тетя Света сказала, – неохотно ответила Настя. – Просил ещё перезвонить. А я его давно заблокировала.

– Позвони обязательно.

– Зачем?

– Просто так он не попросил бы, мне кажется.

– Влад, а ты… А тебя не смущает, что Валька… ну… мы с ним…

– А должно? – вскинул мохнатые брови Беринг. – Если мы с тобой будем смущаться от вида каждой тени из прошлого… далеко не уйдем, милая. У меня оно было… насыщенным. Так что сразу давай договариваться. Прошлое – это то, что у нас уже было. Согласна?

Напрягло Настю это его “насыщенное прошлое” невероятно. Умом понимала, что прав. У такого, как Беринг, и женщин было, наверное, множество, просто и не могло быть иначе. А она в его жизни случайность и…

– Асенок, я жду. Посмотри на меня.

Всхлипнув вдруг, заставила себя взглянуть на Беринга. Он сосредоточенно вел их дорожный фрегат, лишь бросил взгляд на стремительно засыпающего на заднем сидении Ваньку.

Но когда Влад глаза перевел на нее… сразу стало вдруг легче. Любит. Сколько бы ни сомневалась в этом невероятном факте Настасья, столько бы ни надумывала себе всяких глупостей, видела ясно сейчас : он ее любит. Отчаянно, нежно, всему вопреки. Секунда, и тучи словно развел руками. Ее лучший в мире медведь.

– Да, Влад. Да.

4. Дорога

Под прицелом внимательных взглядов Беринга Настя очень неохотно копалась в своем телефоне. Номер Валентина она давно уже удалила, но помнила его наизусть – как-никак, с этим мальчишкой ее многое когда-то связывало. Да и сим-карты они покупали вдвоем, и номер телефона у них различался одной лишь цифрой. У Насти оканчивался на восемь, у Вальки – на девять.

“Абонент недоступен”.

Бывает, наверное, да? Настя бросила взгляд на время. Не слишком и поздно. Впрочем… Валька мог не брать трубку, хотя с телефоном он не расставался ни на миг. Даже спал с ним в обнимку, даже в ванной специальную полочку для своего верного друга приколотил. Не выключал практически никогда, ревностно следя за уровнем заряда.

Невольно Настю царапнуло предчувствие. Что-то не так. Быстро проверила мессенджеры и тот самый аккаунт в тик-токе, общий. Не был в сети почти три недели. А вот это уже, действительно, очень и очень плохо.

– Что-то не так, Асенька?

Спотыкаясь на каждом слове, и зябко поеживаясь Настя рассказала мужу о своих сомнениях. Волновалась: поймет ли Беринг? Для него телефон был лишь средством, рабочим инструментом. Медведь уж точно не сидел круглосуточно, пялясь в экран, и ночью не проверял сообщения.

Но Влад понял: он вообще был очень чутким, ее такой близкий и далекий муж. Задумался ненадолго.

– Кинь мне контакт его. Перешлю службе своей безопасности, – поймав испуганный Настин взгляд, уточнил, улыбаясь, – Сибировым. Они ненадолго покинули нас, скоро все соберемся опять, уже в Питере. Они пусть пробьют, заодно и посмотрим локации. Ты зачем испугалась? Думаешь, я его съем?

И улыбнулся. Хищненько так, издевательски даже. Ванька за спиной звучно хмыкнул.

– Он совершенно невкусный! – шутка вышла двусмысленной. Ляпнула и поняла, что напрасно.

– Разберемся. Ты лучше скажи мне, Вовочка этот твой, он сам откуда? Родители где? Не люблю я случайностей.

– Валентин он. Валька, – и поняла, что вообще почти ничегошеньки о своем бывшем не знает.

Ну да, случайность. Случайно встретились, совершенно случайно сошлись. Даже переспали они совершенно случайно. Насупилась. Влад снова понимающе ей кивнул. Издевается. Ну и пусть. Главное: они едут. Чего стоило ей говорить Беринга на эту их “экспедицию в поисках самых бредовых гипотез”, знала только она. Гипотезы были конечно же Настины. Ну… почти что.

А это значит: у них было дело, ради которого они здесь, в России уже оказались. Более срочное, чем исчезновение никому не известного тик-токера.

***

Дорога…

Они снова едут, а Насте опять о ней думается. Совсем еще недавно Настя даже не знала этого состояния души: оторванность от стационарного мира, полет между пунктом А в пункт Б. Или В или С, не имело значения никакого. Ощущение странное, будто полет в подпространстве. С момента ее официального представления скрежетавшему от негодования всеми зубами миру Луканы в качестве официальной жены Влада Беринга, они постоянно куда-то все ехали. Мотались по всей Урсулии, срочно приводя в порядок дела, перемещались из столицы в “поме-

стье” Берингов и обратно. Все время на чемоданах, в пути. Сначала ее это все утомляло невероятно. Потом начала привыкать, а теперь вдруг понимала: нравится!

Именно вот сейчас Настя получала от путешествия настоящее удовольствие. Ванька хоть был и ребенком, но не надо было постоянно следить за тем, что он может сунуть вилку в розетку исключительно из любопытства или проделает нечто еще более невообразимое. Рядом Влад, полотно перед капотом машины, набегающее, ускользающее, обещающее нечто новое.

Ей никогда ничего не хотелось менять. До сих пор все перемены в маленькой Настиной жизни были не к лучшему. А теперь… даже если и так – отчего-то не страшно. Хотелось взять флаг, водрузить его над автокрышей (непременно “Веселого Роджера”), потом спеть бравурную песню, и вперед. Размечталась, улыбаясь, представила себе все так ярко… и уснула.

– Да, Эд. Там очень много неясного. Пепелище мне не понравилось. От дома не осталось вообще ничего, так не бывает. Да. Куча пепла, никаких остатков сруба, даже печка сгорела. И крыша. Ну не напалмом же жгли его.

Настя приоткрыла глаза, разглядывая в темноте Беринга. Огонек в ухе выдавал вай-фай наушник, сильные руки на руле, гул колес по дороге. Молчаливая пауза выдавала длинную речь собеседника. А ведь правда: дом очень странно сгорел. Будто бы его не просто не тушили, а из брандспойтов поливали бензином еще дополнительно. Вообще ничего не осталось.

– Что с лагерем? Вы в этих людях уверены? Эрнест там остался? Сочувствую я подопечным. Мы переночуем под Новгородом и днем завтра там уже будем. Сразу обратно, Эд, даже я за рулем устаю. Особенно – от обилия идиотов.

Мою квартиру не трогайте, там мой личный контур, да. Свои ключи заберете на вахте, цели понятны? Хорошо, до связи. Да знаю я, знаю, не первый день замужем.

Палец к уху, сигнал отключился. Настя зачем-то притворилась спящей.

– Кофе хочу. Скоро заправка, немножечко выдохнем. Спросить меня ни о чем не хочешь?

Ну за что ей такой умный муж?

– Ничего приятного для себя я не услышала. Я – идиотка.

Он покосился, зачем-то поправил рукой ей прядку на лбу, слегка щелкнул по носу.

– Для тебя там было слишком много всего. Когда родной дом превращается в пепел… это больно. А вот Ванька меня расстроил, да, Ваня?

Быстрый взгляд в зеркало заднего вида, и Настя ехидно подумала, что не одну ее поймали за маленьким сонным притворством.

– А я все увидел, но не говорил. Влад… откуда у матери камень и эти цветы? После того как отец… – он гулко сглотнул, но продолжил: мы никому стали вдруг не нужны. Все только лясы точили и все. Это сейчас они вдруг добрые стали.

Влад задумался очень серьезно. Настя уже узнавала вот эту его “думную” складочку между бровей.

– Не знаю, Вань. Но узнаю.

Громкий вздох сзади.

– А лагерь… тот самый? Пром?

Беринг широко улыбнулся.

– Мы же договаривались. Да, в “Прометее[1]” тебя уже ждут. Ась, все увидишь сама и узнаешь.

– А как же вопросы мои? И кстати, сколько ты дней уже замужем?

Тихий смех был ответом, впереди показались огни, заправочной станции.

---

[1] “Прометей” – в советские времена лагерь для «трудных» подростков «Прометей», что находится в Ленинградской области, знали во всей стране. Это о нем сняли фильм «Пацаны». Туда отправляли на перевоспитание ребят, замешанных в разбоях, ограблениях и драках. Значительную часть этих мальчишек составляли морфы (оборотни), рожденные на Земле.

– Это Тверь. Хорошо проезжаем ее глубокой ночью, тут пробок не будет. Часа три-четыре еще и мы будем на месте.

Поцеловал тихо в лоб и вышел.

– Вань… Настя развернулась к угрюмо молчащему брату, рассматривающему происходившее за окном. – Толик этот… он мог это все сделать? На кладбище?

– Нет, – голос Ваньки осип отчего-то. – Только дом подпалить. Наська, прячься!

Что заставило ее не возражать, и нырнуть под сиденье сразу? Настя не знала. Но подошедший к машине мужчина невысокого роста, сутулый, в глубоком капюшоне доверия точно не вызывал. Он рассматривал внутреннее содержимое джипа так внимательно, насколько вообще это было возможно в кромешной темноте. А при возникновении Беринга из дверей заправки тут же испарился. Как и не бывало гостя.

Что происходит?

Сквозь лобовое стекло Настя увидела: Влад что-то почувствовал. Она видела его такого уже не однажды: хищник выходит на след. К машине подошел, задумчиво выпил один из стаканчиков кофе. Потом, глядя в темноту, выпил второй, предназначавшийся явно Насте. Кинул обе пустые картонки в урну, медленно оглянулся и … просто исчез.

– Нась… – шепот где-то за ухом. – Ты, главное, это.. не бойся и не ори, хорошо? Если что вдруг – отобьемся.

Ну да, защитничек.

Отчетливый шум, звуки, показавшиеся очень похожими на удары. Отзвук хрипов и стона. Или ей только послышалось, и разбуженное воображение снова играет с ней злую шутку?

Когда позади Насти открылась вдруг дверь, она все же с трудом удержалась от крика. Только тихий шепот отважного маленького ее защитника и удержал, если честно. Пришлось закрывать себе рот сразу двумя руками и даже зажмуриваться.

– Эй, все закончилось уже. Можно кричать ура и награждать победителя поцелуями. Вань, к тебе это не относилось. Испугалась?

Фух. Крепкие руки выковыряли ее из-под сидения, усадив прочно на место. Вручили стаканчик с горячим еще каппучино. Только тогда Настя увидела кровоточащую ссадину на костяшках левой руки. Влад был левшой, она помнила.

– Вла-а-ад? Кто это был?

– Понятия не имею, родная. Но вы все сделали правильно. Ванюш, три плюса и полное обнуление всех провинностей.

Этот таинственный шифр давно был в ходу между ними, но на все попытки его рассекретить ее мужчины отмахивались и смеялись. Мужчины. Ее. Забавно, но сейчас Настя ощутила себя под защитой мужчин. Своих, очень надежных и настоящих.

5. Настоящие мужчины

До Новгорода добрались уже без приключений, лишь в Высшем Волочке постояли немного в уличной пробке на светофорах. “Традиционно”, как Беринг сказал. Очень она надеется, что у в ее жизни будут такие традиции. Традиционно опаздывающие самолеты в… Париж, например. Или Токио. Традиционно вкусные ужины на океанических лайнерах. Да она согласна даже на традиционную кашу в палатке! Пока что. Еще, правда, не пробовала.

Небольшая гостиница в Великом Новгороде приняла их гостеприимно, невзирая на время (очень далеко за полночь). Их заселили в большой семейный номер с огромной кроватью и детским диванчиком, на котором свернулся комочком уставший Ванька, отрубившись мгновенно (как будто он и без того не спал добрую часть пути на заднем сиденье).

Душ, в который Влад по-джентельменски ее пропустил, вполне соответствовал уровню этой гостиницы. Чисто, просторно и без излишеств. Большая кабинка, зеркало во всю стену, в котором Настя увидела себя обнаженную. Смотрела и удивлялась. Очень давно она не видела себя в зеркале так. Да и просто посмотреть на себя лишний раз не успевала: все на бегу, не оглядываясь, в суматохе. А ведь она изменилась не только внутренне, только сейчас увидев это со всей очевидностью. Перед ней стояла молодая красивая женщина. И что больше изменило ее: отросшие роскошной огненной гривой волосы или плавные линии женского тела, заметно округлившегося, а может, появившаяся вдруг уверенность в светлых глазах? Из зеркала на нее смотрела любимая женщина.

Щелчок дверной ручки, легкий сквозняк, и Настя вздрогнула. Произошедшее на заправке сегодня оставило след. Бросила снова взгляд в зеркало и замерла. Влад стоял на пороге и смотрел, словно окаменев. Миндалевидные его глаза черными дырами зияли на скуластом лице. Ноздри трепетали, он сам, казалось, готовился к прыжку, как огромный хищник, ловивший добычу. Настя почувствовала себя вдруг зайцем.

Но ровно до тех пор, пока не услышала тихий выдох и порывистое его: “Асенька”.

Так шепчут богам последнюю молитву потерявшие все надежды. Шаг вперед, беззвучный, стремительный.

– Девочка моя. Я больше так не могу.

– Там Ванька… – в ответ прошептала, остро чувствуя: она тоже больше не может. Совсем. Запрещала и думать себе все это время. Суматошные сборы с кучей детей в одной комнате и с безумной этой затеей ее – отмечанием дня рождения младших сестер-близнецов. Сколько недель она уже просто его не касалась вот так откровенно? Не ощущала его крепких рук на своей коже? Изголодалась. Как кошка готова была просто мурлыкать от удовольствия, только поймав мимолетное прикосновение.

А сейчас он стоял в двух шагах напряженный, одетый, и в этих глазах Настя видела отражение своих мыслей. Они говорили сейчас на одном языке, понятном лишь им двоим.

Руку протянул, осторожно погладив впадинку между ключиц. Другой перехватил ее пальцы, тянущиеся к воротнику мужской тенниски. Их нежно целуя, смотрел ей прямо в глаза, не отрываясь. Еще шаг вперед. И вот он уже возвышается над Настей словно гора, и она слышит, как громко бьется его могучее сердце.

Пальцы не останавливались. Уверенное движение руки: и они уже выводили круги на яркой вершинке. Настя вдруг услышала женский то ли всхлип, то ли стон, через мгновение лишь поняв, что так прозвучал ее голос. Медведь в ответ просиял так, словно ему только что вручили подарок.

– Тш-ш-ш. Солнышко мое, семейная жизнь – это еще и умение все делать тихо. Ослепительно-белая улыбка на загорелом лице. Улыбался Влад всегда изумительно. И эти ямочки на щеках. И точеные линии губ, даже щетина на волевом подбородке – все Насте в нем нравилось.

– Влад… иди ко мне.

Кто из мужчин, услышав от любимой женщины подобное, сможет ей возразить? Буря, обрушившаяся Насте на губы, была ей ответом. Какой он огромный! Разделся, как ей показалось, одним лишь тягучим движением и шагнул в душ, разом заполнив собой все пространство у зеркала. Настя взглянула на их отражение и замерла. Картина перед глазами ее предстала умопомрачительная: на фоне огромного, восхитительно-мускулистого и волосатого (ей и это в нем нравилось!), возбужденного невероятно мужчины стояла она. Копна медных волос, молочно-белая кожа, тонкий профиль женственных линий. Она выглядела гибкой березкой в осенней листве на фоне мшистой горы. И Беринг тоже замер, вглядываясь в этот пейзаж.

Медленно проводя руками по плавным контурам тела жены, он смотрел из-за ее плеча на происходящее чудо. На пробуждение женщины в мужских руках, таких нежных, надежных, желанных. Большие и крепкие его ладони двигались по белой коже, разгоняя печали и страхи. Тугое темное тело у нее за спиной вздрагивало напряженно.

Настя сделала шаг вперед, отодвигаясь.

– Дразнишь? – угрожающе-низко прозвучало за спиной.

– Ты же хищник у нас? – улыбнулась, не открывая взгляда, и чуть не подпрыгнула, ощутив между ног неожиданное вторжение пальцев. Откровенное, быстрое.

– Ты точно не жертва, – другая рука надавила на поясницу, – я хочу тебя видеть, нагнись.

Еще не понимая сущности происходящего, повиновалась, увидев, почувствовав, как Влад опускается на колени. От бесстыдных движений в зеркале голова закружилась, ее покачнуло – поймал. И снова толкнул вперед, заставляя опереться руками в холодную гладкую поверхность.

– Что ты… ах! – вторжение продолжалось, ее раскрывали, как раковину устрицы, а возбуждение нарастало стремительным шквалом. Настя и не подозревала о существовании в теле своем стольких чувств. – Ах! Влад…

– Откройся, девочка моя. Для меня.

Послушно расставила ноги, как молодая лошадка, все глубже прогибаясь и глядя в зеркало на себя. Пальцы сменило горячее мужское дыхание, удары раскаленного языка, снова пальцы, везде. Они пробегали по ней, как по клавишам фортепиано, рисовали узоры, погружались толчками и раскрывали. Вся женская суть Настасьи наливалась расплавленным и раскаленным свинцом, пульсируя, заполняя сознание волнами наслаждения. До боли, до потери опоры. Колени подгибались, мир вокруг сползал размытыми подтеками.

– Ах! – откинула назад голову, выгнув шею дугой.

– Ты мое сумасшествие, – порыв горячего ветра, раскаленное тело прижалось к ней сзади, обволакивая в сладкий плен.

Ладонь на горле, рваное дыхание у лица. Проникновение. Этот великолепный мужчина наполнял Настю словно бокал горячим искристым шампанским. С каждым тугим движением все ближе, крепче, безумнее.

Руки держали, не давая сбежать, улететь, словно птице.

– Тш-ш-ш… девочка моя, для меня ты будешь кричать не сейчас, – приостановился, дразня, и девушка застонала, ловя выходящее из нее удовольствие, догоняя. – Сладкая девочка, такая горячая. Огонечек мой, Асенька.

– Да, – толкнулась навстречу, словно вызывая его на дуэль, руками подхватывая тугие полусферы груди, еще соблазнительнее, с удовольствием видя в зеркале жадный взгляд Беринга.

Влад обнимал ее жестом абсолютного собственника. Никому не отдаст. Снова плавное движение навстречу, снова головокружение от нахлынувших чувств.

– Хочешь? Скажи мне, – тихий рык в шею.

– Всегда. Еще, – смогла лишь пискнуть, падая на колени. Сверху ее накрыло лавиной, поймав на лету. Сознание уплывало, рассекаемое ударами мужских бедер о ягодицы. Безумная скачка, горячее, умопомрачительное наслаждение. И руки, они были снова везде, направляя, лаская, выбивая из головы последние остатки коротеньких мыслей.

Он уже просто рычал, двигаясь мощно, не видя, не слыша вокруг ничего. Последняя секунда рассудка – и в зеркале Настя увидела его лицо: на нем застыло выражение страсти, похожей на муку. Губы закушены, челюсти сведены, но глаза смотрели на нее, и не было во всей бесконечной Вселенной для Беринга фигуры важнее.

Удар, толчок, и они начали стремительный свой полет вдвоем, сплетаясь в один тугой узел, глубоко, неразрывно соединяясь и тихо постанывая, как и положено любящим, благоверным супругам.

Очнулась она, лежа на сидевшем в душевой кабине Владе. Он задумчиво перебирал темную медь ее волос, нежно и бережно. Наклонился к уху, целуя трепетно мочку и снова спускаясь на шею.

– Прости, мне сорвало все стоп-краны. За все эти дни я чуть с ума не сошел, ты нужна мне, как воздух. Женщина, я без тебя задыхаюсь. Безумие! В последний раз чтобы было такое, слышишь? Больше никаких семейных целибатов, – и тихое низкое следом. – Давай я помою тебя.

– Очень люблю. Пальчиком пошевелить не могу. Хочу, чтобы так точно утром и вечером и… что это было, Влад?

Тихий смех в волосы, шум струй воды, мягкие прикосновения пенистой губки.

– Семейная жизнь, моя радость. Любящий муж и супружеские обязанности.

Просто помыться у них получилось, хотя и с трудом. Настя выключилась раза два в процессе и совершенно уснула на руках Влада уже по дороге в постель, обернутая полотенцами и зацелованная…

Волосы ее, ставшие как никогда густыми и длинными за последние полгода, и так и не высохли до утра. И в зеркале поутру на Настю смотрело настоящее чучело огородное. Всклокоченное, с обкусанными и припухшими губами и мечтательным взглядом. Хорошо еще, было не жарко, и следы от зубов на плечах были целомудренно скрыты под плотной клетчатой рубашкой.

С трудом причесалась, осмотрела нехитрую их поклажу и, подхватив сумку, спустилась в гостиничный ресторан.

Влад с Ванькой уже сидели за столиком, что-то обсуждая очень оживленно.

– Представляешь, Нась, я поеду в лагерь для мальчишек-оборотней! Настоящий, военный, с отрядами, палатками, походом на лодках по бурной реке, рытьем землянок и даже перестрелками!

Кофе, любезно пододвинутый Берингом, застрял у нее где-то в горле. Настя закашлялась, поднимая глаза на совершенно восхищенного перспективами Ваньку.

– Э… Влад? Это все не опасно?

– Опасно, и трудно, и…

Она отодвинула чашку, вставая.

– Я против! Тебе, может быть, и все равно, и не жалко… – в эту секунду она взглянула в лицо Беринга и осеклась.

– Сядь, Асенька. И послушай меня.

Он говорил очень тихо, но низкий рокот рычащего голоса впечатлил даже официантов, спрятавшихся за колоннами ресторана.

– Иван – не изнеженный мальчик из семьи горожан. Он вообще совершенно не мальчик. И если банальная инфантильность человеку простительна, то для нас… Может стоить ему жизни. Ты готова сказать сейчас “нет” и корить потом себя вечность?

Он был прав совершенно. Но осознание этого лишь почему-то подхлестывало Анастасию.

– Я против.

– А я тебя и не спрашиваю! Ты мне кто, Наська? В одной матке сидели, так этого я и не помню! – Ванька вдруг взвился, рявкнув ломающимся мальчишеским голосом, сгибая вилку пальцами и ринувшись в сторону сестры. Он бы и дорвался. Если бы не Берингов взгляд, снова безмолвно его останавливающий, как стена.

– Достаточно. Мнения ваши я выслушал, но решения принимать мне. Собираемся, жду вас у машины через десять минут.

Беринг встал, окинув Настю нечитаемым взглядом, отодвинул стул и молча вышел. Вслед за ним Ванька обжег ее ненавистью и, шипя что-то злобное, бросился догонять.

Зачем она влезла в мужские дела? Приходилось себе сейчас признаваться: в ее жизни Влад вообще был первым нормальным мужчиной. И правил этих всех мужских Настя не знала. Отца у нее просто не было, Шапкина она помнила плохо. А Валька… он был, скорее, подружкой. Хоть и с сексуальным уклоном. Вот и вляпалась.

Вернулась в номер, обнаружив, что вещи все собраны и уже даже вынесены. Интересно, если она останется тут или сбежит прямо сейчас, они дальше поедут?

Видимо, эта мысль не одну ее посетила, потому что открыв дверь из номера, девушка со всего маху врезалась в монолитную тушу огромного Беринга. Поймал ее, отлетевшую в сторону, обнял бережно.

– Асенька, я все понимаю. Ты женщина, и защищать, оберегая, для тебя совершенно естественно. Но мужчину не вырастить так, понимаешь? Лишь жалкое только подобие.

– Ванька меня ненавидит.

– Я объяснил ему. Он ведь тоже не видел своей матери толком. И заботы особо не знал. Подранки вы мои. Лечить и лечить еще вас.

Вздохнул и зачем-то подхватив Настю на руки, молча в машину унес, целуя на ходу и покачивая, как младенца. Подранки…

6. Наш дом

Дорога до лагеря и обратно была для Настасьи одним сплошным серым дождем. Поскрипывающие дворники внедорожника приоткрывали занавесь водной преграды. Вода была сверху, вода была снизу, дождь то слабел, то снова лил, как из ведра.

Беринг лишь усмехался: Питер встречал их, не изменяя традициям.

Ванька, казалось, до самого лагеря не мог поверить в свое приключение. Тревожно косился на Настю, опасаясь, что она все же смогла воспротивиться. И когда они все-таки высадились на берегу озера у большого палаточного лагеря, он с явным трудом сдерживался, чтоб не сбежать.

Настя, смахивая с капюшона капли, тоскливо смотрела на лагерь. Да она бы при виде такого рыдала и умоляла не бросать ее здесь. Лес, палатки, костры. Нет уж, даже пообещала бы себя вести хорошо и учиться на одни только пятерки. А Ванька восторженно на все смотрел и приплясывал от нетерпения. Все же мужчины – загадка природы. Вздохнула, отворачиваясь и пряча слезы.

– Нась… ты прости меня. Я… ляпнул не подумав, мужчины так не поступают.

– Иди сюда, – раскинула руки, и мальчишка ткнулся носом в плечо. Он сильно вытянулся за этот год, стал почти с нее ростом. – Ты мой защитник, Ваньк. Это ты прости, все не привыкну к тому, что у меня в доме теперь двое настоящих мужчин.

Братец встряхнул головой, отодвинулся. Беринг хлопнул его по плечу, что-то шепнув, улыбнулся. Парнишка подхватил свой рюкзак (размером в половину себя) на спину, улыбнулся в ответ и бодро зашагал к лагерю.

– Там его встретят? Он точно…

– Асенька… Разберется наш Ванька. Поехали лучше домой, я хочу есть, спать в своей личной постели и со своей персональной женой. Под боком. Хочу ходить босиком, совершенно преступно без тапочек и пить утром кофе на кухне без трусов, представляешь? Детей распихали, свободны!

И так он это все произнес радостно, глазами сияя, как семнадцатилетний мальчишка, что Настасья тут же представила себе кухню, утро, голого Беринга. Ох….

Вчерашнего душа в гостинице ей было мало. И взгляд напротив говорил: им мало обоим.

– Золотце мое, устала?

Устала. Тело ломило, одежда была несвежей. Бутерброды и кофе на заправках надоели хуже манной каши. Хотелось в душ и под одеяло.

Беринг все это понимал и сам: видел круги под глазами у своей Асеньки, слышал, как она ворочалась на сиденье.

– Предлагаю компромисс: я даю тебе ключи, ты сама поднимаешься на четвертый этаж. Квартира девятнадцать. Располагайся, осматривайся, я встречу с дороги Сибировых, заселю их, узнаю, как у нас там везде обстановка, и сразу вернусь. Мне нужно около часа. Справишься?

Она сомневалась. С мужем ей расставаться не хотелось совершенно, да и одной заходить в незнакомую квартиру было неловко. Но одна только мысль о горячем душе вдохновила ее настолько, что пришлось согласиться:

– Да, так будет удобнее всего. А чай у тебя дома есть?

– У нас дома. И чай, и сахар, и, кажется, шоколадка. Хотя в свежести последней сомневаюсь. Лучше не пробуй.

И улыбнулся так обаятельно, как умел только он. Будь Настя этим пресловутой шоколадкой, тут же бы растаяла.

Подхватила свой рюкзачок, забрала ключи и нырнула в подъезд, мимоходом заметив, как их верный конь снова загудел и тронулся.

Огромная входная дверь на первый взгляд была деревянной: массивная, цвета мореного дуба, с рамой, украшенной затейливыми резными орнаментами. Но погрузив хитрый ключ в скважину, Настя услышала звук скрежета стали о сталь. Поворот, еще один, несколько странных щелчков, и дверь отворилась, впуская в святая святых: берлогу Беринга.

Просторный холл, в котором тут же загорелся автоматически свет, теплый и в меру яркий. Все тут было зеленым: рисунок на стенах в виде массивых лесных стволов, раздвижные широкие двери цвета свежей оливковой древесины. Каменные полы были похожи на дно лесного ручья: гладкие полукруглые плитки в россыпи кругленьких камушков.

Насте сразу же понравилось: и простор, и уют этого маленького личного леса. Вот только… В нем пахло женщиной!

Первая же дверь слева от входа вела в туалет. Узкий шкафчик-панель, на открытой полке которого сиротливо лежали открытые сигареты. Беринг сам не курил и запаха табака не выносил совершенно. Как и все морфы.

Дверь строго напротив вела на просторную кухню.

Как и холл, она была очень просторной, два огромных арочных окна выходили в глубь двора-колодца. Насте всегда очень нравился этот стиль, в каком-то из бесконечных сериалов, что Валька смотрел по телевизору его обозвали как “Старый Прованс”. Выходит, у них с Берингом вкусы сходились. Или… с его женщинами, что тоже немудрено. Снова пачка сигарет, пепельница, грязные какие-то тарелки. Влад и такой беспорядок?

Окружающий интерьер как-то разом померк. Настя злилась. До зубовного скрежета. На ее территорию проник кто-то чужой. И неважно совсем, что она тут впервые. Ее Беринг – ее и берлога, и это не обсуждается.

Шаг вперед, еще одна дверь – роскошная ванная. Зеркало во всю стену, джакузи, отдельный душ. Снова зелень глубокого темного леса, камушки под ногами, уют и покой.

Но спокойно Насте отчего-то не было, здесь ее подозрения только усугубились. Початая упаковка шампуня, небрежно брошенное на полотенцесушитель еще влажное полотенце, куча очень недешевой косметики возле зеркала.

Настя вдруг почувствовала себя героиней сказки “Три медведя”, причем в роли медведицы. Кто спал на моей кровати? Кто сидел на моем стуле? Кто купался в моей ванне и в мой унитаз… кхм? Что этот кто-то явно был женского пола, сомнений не оставалось. Причем здешняя “Машенька”, судя по брошенному в стирку черному кружевному бюстгальтеру, обладала бюстом размера С и тонким вкусом и в деньгах не нуждалась.

Дальнейший осмотр квартиры позволил узнать еще больше. “Машенька” любила кофе, белое вино и сырные крекеры, о чем говорили валявшиеся на столах пустые упаковки и бутылка возле бокса для мусора. Терпеть не могла мыть посуду, весьма небрежно относится к гигиене (на наволочке и полотенце остались следы тонального крема и алой помады) и любит красивую обувь. Одних только туфель в прихожей валялось три пары.

В первую минуту Настю охватила самая настоящая ярость, аж в глазах потемнело. Женщина – в квартире Влада! Ее, между прочим, законного мужа! Как он посмел привезти жену в дом, где жила его любовница? Она его… Уж она ему…

Злость схлынула так же стремительно, как и накатилась, оставляя за собой лишь невероятную усталость и легкое головокружение. Настя обессилено упала на пушистый диван в круглой гостинной. Разумеется, Влад понятия не имел, что в квартире его кто-то живет! Он же… ну… стратег. Или тактик? Не важно. У Влада всегда все по плану, все под контролем. Быть такого не могло, чтобы он захотел столкнуть жену свою с какой-то там бывшей любовницей.

И все же на месте Насте не сиделось никак. У нее буквально чесались руки от желания уничтожить даже самые незаметные следы другой женщины. Чтобы хоть как-то успокоиться, девушка сдернула с большой постели бордовые шелковые наволочки с простыней и засунула

их в стиральную машину. Испачканное полотенце, немного подумав, выкинула в мусор. Туда же едва не полетели все тюбики и флакончики из ванной комнаты.

Не успела. В дверях раздался скрежет ключа.

Откуда-то Настя совершенно точно знала, что это не Влад. Интуиция?

***

Стальная тяжелая дверь распахнулась легко и непринужденно, и в прихожую впорхнула… фея. Тоненькая, высокая, на таких немыслимых каблуках, что у Насти закружилась голова только при взгляде на них. Неприятное открытие – фея была огненно-рыжей, с гладкими волосами до плеч. Тонкие солнечные очки, крупные алые губы, очень узкое серое платье на ладонь ниже колена и кашемировое пальто сочного малинового цвета. Настя всегда считала, что малиновый рыжим противопоказан, но теперь усомнилась. В фее было все очень гармонично.

Женщина, возраст которой, как и у всех волшебных существ, определить было невозможно, кинула на пол большую лаковую сумку, похожую на портфель, изящно потянулась и вдруг застыла в каком-то нелепом изгибе, натолкнувшись взглядом на Настю. Захлопала кошачьими серыми глазами растерянно, огляделась, обнаруживая чужую обувь, куртки и сумки.

– Ой, – сказала она. – Здравствуйте. А вы, собственно, кто?

– А вы кто? – задала встречный вопрос Настя.

– Я Ира. Жена Влада.

– Да? Очень приятно. А я Настя. Жена Влада. Очевидно, вторая.

7. Собственница

Жизнь была прекрасна и удивительна. Две молодые женщины с рыжими волосами напряженно разглядывали друг друга. Кроме цвета волос, ничего общего между ними не было. Настя – в спортивных штанах и футболке, босая, с растрепанной гривой – как щенок колли. Ирина – элегантная и броская – словно холёная сиамская кошка.

– И давно Влад женился? – сдалась первой незваная гостья, (а гостья ли?). – Уезжал он вполне свободным… во всех отношениях.

– В ноябре.

Глаза Ирины стали ещё больше и невольно скользнули по Настиной фигуре, невольно задержавшись на животе. Ну да, в наше время причиной столь поспешного брака могла стать только беременность. Однако с ноября прошло почти полгода, а никакого живота у Насти явно не наблюдалось. Гостья поджала губы недовольно.

– Ясно. Послушайте, я сейчас все объясню!

– Да уж хотелось бы.

– Идти мне сегодня некуда. Я уеду как только найду жильё, – Ирина явно не воспринимала новую хозяйку квартиры серьезной соперницей. – Не думаю, что Влад меня выгонит. После всего, что между нами было.

– Ну уж нет, – в Насте колыхнулась яростная злость. – У тебя есть пятнадцать минут, чтобы собрать вещи. Остальное полетит с балкона, (а кстати, если ли в этой квартире балкон?)

– Но…

– Снимешь койку в хостеле. Или номер в гостинице. Время пошло.

– Деревенщина! – фыркнула Ирина. – Ну да Влад вечно тащил всяких зверюшек убогих в нашу квартиру. Поди и тебя подобрал из жалости в каком-нибудь притоне.

Она не потрудилась даже снять уличную обувь, быстро процокав на шпильках прямиком в ванную комнату. Оттуда выскочила с ворохом пузырьков в руках, пробежала в спальню.

Настя с насмешкой кривила губы, оперевшись о крепкий косяк двери кухни. Самое обидное, что Ирина сейчас угадала: именно так все и было. Влад подобрал жену и детей пусть не в притоне, но в полуразрушенном деревенском доме.

Щелчок ключа в дверном замке прозвучал, как гонг окончания тайма. Брейк! И рефери выступил в круг их ринга, заставляя бойцов отступить на положенный шаг назад.

– Что. Здесь. Происходит?

Беринг тоже был в ярости и этого не скрывал. Даже подчеркивал, раздувая ноздри и скрипя громко зубами.

– Володя, я зашла взять кое-что, а тут эта девка! Володя, мне некуда совершенно идти, понимаешь? Позволь… – голосом лесной феи, с ласковым придыханием, изображая невинность, немного испорченную всклокоченной прической, Ирина произносила свою эту речь, медленно отступая к двери.

– Настенька, душа моя, это ты дверь ей открыла?

– Ты просил меня это не делать, а я послушная очень жена. Она сама здесь оказалась. Жена твоя Ира.

Влад поперхнулся. Даже слегка побледнел. Лежавший в руке его телефон хрюкнул печально и с прощальным треском был сжат в кучку осколков, тут же полетевших точно в стену над головой этой самой Ирины. Насте вдруг стало весело.

– Жена, значит? Откуда ключи у жены? Еще прошлым летом мы с тобой все, кажется, выяснили. Ты всегда была склонна… выдавать желаемое за действительное, Иро-чка. Я жду ответов или вызываю полицию. Кажется, на мою супругу напали, проникнув в наш дом? Любимая, ты часом не пострадала, нет? Умница. Ну ничего, самого нападения будет достаточно.

Настал черед Иры бледнеть. Не ожидала такого от Беринга рыжая. Обычно выдержанный и благородный, он точно взбесился теперь. Неужели вот эта малявка его так зацепила?

– Считаю до трех. Раз.

– Володя, я… у меня обстоятельства! Ты, когда уезжал, попросил оставить охране ключи. Вот, я их принесла, видишь?

– Я уезжал год назад. В начале июня, позволю напомнить. И судя по виду квартиры, ты прожила здесь весь год. Отлично устроилась, дорогая. Ключи на стол и выметайся. Не заставляй меня предъявлять тебе счет за аренду квартиры. Сумма может быть кругленькой.

– Ты этого не сделаешь! – Ирина вскинула носик, усмехаясь. – Ты же у нас настоящий мужчина. А настоящие мужчины с женщинами не воюют.

– Я здесь вижу одну только женщину. И это не ты.

– Ой, ну порычал и ладно, сейчас соберу вещи.

– Ирина!

– Все-все, уже почти собрала!

Рыжеволосая фея, действительно, собиралась очень быстро, почти по-военному, но между тем все делала так изящно, что Настя невольно восхищалась. Красивая все же женщина, такая… породистая, вот. А она, Настя, дворняжка самая настоящая. Вот только зубки у неё ничуть не хуже.

Когда Настя злилась, она не ныла и не опускала руки, как многие ее знакомые. Нет, ее злость была созидательной. Подстёгивающей. И сейчас, наблюдая за бывшей любовницей своего мужа, девушка для себя подмечала: нужно бы выучиться так же непринужденно себя вести в критических ситуациях. Не орать на деревенский манер, не материться (даже про себя), не краснеть от гнева, а насмешливо улыбаться, расправив плечи и чуть прищурившись. Урок сейчас жена Беринга получила очень ценный. Она обязательно будет вспоминать Ирину, когда ей захочется топать ногами или истерику закатить.

– Ну вот и все, чао-какао, – пропела фея, застегивая большую спортивную сумку. – Володя, будь хорошим мальчиком, вызови даме такси и помоги вещи донести.

Беринг открыл было рот, но бросив на побледневшее лицо Насти короткий взгляд, вытолкнул свою гостью за порог молча, шагнув вслед за ней.

Отсутствовал он меньше минуты, быстро захлопнул за собой дверь, и лишь громкое шипение на площадке сказало Насте: хорошим мальчиком Влад не был. Не теперь.

Поморщился, бросив в свое оправдание:

– Ее встретит охрана внизу и проводит. Прости, Асенька, никак не ожидал этой встречи. И так… бурно.

– Она красивая. Не то, что я… – Настя мурлыкнула это низко и протяжно, глядя на мужа, пожалуй, с веселой насмешкой.

Ничего забавного в этой встрече она, конечно, не видела, но наблюдать, как Влад нахмурился и даже слегка смутился, было любопытно. Шагнула к нему навстречу – остановившись близко-близко, прикоснулась к широкой груди, пальцем проведя вниз, до самой пряжки ремня. Какое же удовольствие было наблюдать, как от ее простого жеста зелёные глаза стремительно потемнели, а плечи напряглись. В такие минуты Беринг всегда становился похожим на хищного зверя, обнаружившего добычу: собранный, взведенный как арбалет, звенящий как улей с пчёлами. Ей очень нравилось.

Сейчас Насте как никогда было нужно это его напряжение. Кислое послевкусие от встречи с бывшей нужно было заесть. Она не ревновала, нет. Во всяком случае, она представляла себе ревность совсем по-другому. Злость – была. На себя, на рыжую эту наглую и холёную. Мысли были… неприятные. Значит, у Беринга слабость к рыжим. И секретарша в Руме у него ведь тоже… рыжая лисичка. Не является ли Настя лишь очередным пунктом в обширном списке его побед?

Нет. Сама себя одернула, понимая, что снова заводится совершенно напрасно. Прошлое осталось в прошлом. Тем более – видела реакцию Влада на эту его «Ирину». Знала, ощущала, что сейчас этот огромный и такой потрясающий медведь принадлежит одной только Насте. И… непременно собиралась получить веские доказательства этого факта. Ощутимые уже вполне.

– А-сень-ка… – хрипло выдохнул Влад, осторожно кладя ладони ей на плечи. – Тебе нужно подтверждение твоей красоты? И кстати, что там я слышал про очень послушную мою женушку? Мне показалось, наверное.

– Нет, – усмехнулась, поднимаясь на цыпочки, вытягиваясь в струну и нежно касаясь губами изрядно заросшей щеки. – Мне нужен весь ты. У тебя борода. Щекотно.

– Я ведь морф. Это самый малый из моих недостатков. Только волю дай – зарастаю шерстью как медведь. И злюсь точно так же. Заметила? Мне побриться?

– Не нужно, хочу тебя любого, небритого, лютого, злого. Последнее – возбуждающе невероятно. – Обвила руками его шею, притягивая к себе лохматую голову и ловя твёрдые губы.

Волосы у Беринга тоже росли очень быстро. Интересно, из экспедиций своих он вовсе как Робинзон возвращается? Или сам там стрижётся? Мысли в голову лезли самые нелепые.

– Ощущаю себя очень странно… – мужчина осторожно и бережно разместил руки на бедрах жены, словно раздумывая над предложением. – Никогда еще не хотел никого постоянно. Никогда не терял контроля над всплесками ярости. Что это только что было? Признавайся, лесная колдунья, ты меня привораживала?

В ответ – россыпь трепетных поцелуев. Настя покусывала могучую шею, плечи, щетинистый подбородок. И лишь будучи поймана требующим ответа ртом, прямо в него прошептала:

– Конечно. Два раза. Третий еще не успела, раздумываю над ритуалом, готовься, он будет невероятно жестоким.

Такой большой, могучий, мудрый и страстный – и только ее. Мысль об этом кружила ей голову. Собственница? Да! Никогда такого с ней не было, но говоря откровенно: никогда рядом с ней не стояли мужчины, подобные Берингу. Такого впору зубами хватать и уносить в самые темные и глубокие схроны Вселенной. Не отдаст никому.

Вместе с блуждающими мыслями тонкие женские пальцы скользили по всем этим глупым и совершенно никчемным застежкам и пуговицам. Была б ее воля – запретила бы Владу носить эти глупости. Голым он нравился Насте значительно больше. Руку протяни только и… О-о-о…

Ей всегда нравилось раздевать мужа. Даже его обращение зверем было не настолько интимным процессом. Из человека цивилизованного и разумного одним лишь движением рук, разводящим в разные стороны створки расстегнутой ширинки, она выпускала на свет первобытное существо. Дикое, необузданное, нетерпеливое. С глазами, горящими тусклым зеленым огнем, с бьющимся как ритуальный барабан сердцем.

А эти звуки, которые он издавал? Низкий рык, тихий и словно вибрирующий. Услышь Настя такое в тихом темном лесу – умерла бы от ужаса. А рядом со своим нежным и ласковым зверем этот звук заставлял ее делать вещи, ранее невообразимые совершенно. Как теперь.

Медленно спускалась по могучему телу все ниже, слушая, нюхая, чувствуя, наслаждаясь. Каждую мышцу его она уже знала в лицо, каждую клеточку этого обожаемого тела. Шрам косой под ребром, крутой излом связки у бедер, темная дорожка волос ниже, ниже.

Влад шумно выдохнул, пытаясь ее удержать.

– Не надо, солнышко, я…

– Укушу, – прозвучало весьма угрожающе. Особенно снизу.

– Ненормальная.

Мужские пальцы в ее волосах перебирают задумчиво локоны. А она добралась, не отказывая себе в удовольствии и разглядывая пристально свой личный приз. Ту часть невероятного Беринга, что принадлежит теперь только ей. И возвышается крепкой уверенной твердостью лишь для нее. Влад везде был внушителен, но это совсем не пугало, сладко подстегивая воображение.

Совершенно не к месту вдруг вспомнила, как училась играть в детстве на дудочке. Как нравилось пальцами перебирать жесткие ребра и трогать губами теплый срез инструмента. Представила себе, потянулась, пробежавшись подушечками девичьих пальчиков и вызвав опять то ли вздох, то ли рык.

– Я сорвусь сейчас, Асенька.

Молча кивнула. А и пусть. Что она там не видела в его срывах? Она собственноручно сорвет его прямо сейчас, как стопкран. Раскаленная плоть, бархатистая нежная темная кожа, терпкий запах любимого и его дрожь в женских руках. Власть, сладкая и умопомрачительная. Когда касание губ вызывает стон, движение пальцев приносит поток наслаждения. Непередаваемое ощущение: дарить удовольствие, замирая от предвкушения.

Направляемая осторожно, лаской этой нехитрой Настя сейчас ломала целый лес преград между ними. Влад был открыт, доверчиво отдаваясь влюбленной в него женщине. Двигаясь ей навстречу, вздрагивая, разгоняясь. В самый последний момент постарался сбежать от нее – не отпустила, вцепившись в обнаженные ягодицы руками. Приняла все, как лучший в своей жизни деликатес, с удовольствием тайным ощущая терпкий вкус на языке.

– Что ты наделала?

Она только улыбнулась в ответ на тревогу в его глазах:

– Ты влип, Беринг. Приютил похотливую самку под боком.

– Точно влип. Ты даже не представляешь, насколько. Мне самому страшно. Что делают с похотливыми самками, дорогая?

– Выгоняют за дверь?

Он рассмеялся, окончательно освобождаясь от остатков одежды на щиколотках, раздевая уже саму Настеньку и демонстрируя ей неутомимость свою.

– Прижимают покрепче под бок и удовлетворяют все-все похотливые их фантазии. Мы здесь сегодня одни. И ты будешь кричать – для меня. Пока не устанешь.

– А соседи? – осторожно спросила, подхватываемая на руки им так легко, как будто и не весила ничего.

– Сибировы пусть завидуют. А больше тут нет никого. Лето, соседи на дачах. Можешь начинать уже громко кричать, похотливая женушка.

Сказал и впился в рот Насти губами. Словно и не был он за рулем все это время. Сам ненормальный.

8. Привет от Сибировых

– Кстати, тебе привет от Сибировых. Они уже здесь. И я даже позвал их на ужин.

– Ка… какой ужин, Влад? Ты рехнулся? На кухне только огрызки и грязь, и сил у меня нет совершенно. Теперь – уже точно.

Ей даже шевелиться не хотелось. Уткнулась носом в его грудь, сладко потягиваясь, блаженно вздохнула. Он фыркнул, целуя ее в белый лоб. Вдохнул жадно запах, вороша и без того растрепанную гриву медных волос.

– Знаешь, я все это время спрашиваю себя: почему ты? Как так получилось, родная?

Девушка замерла в его крепких руках перепуганной птицей. Вот это поворот! Мало ей было Сибировых на пустой ужин, теперь еще откровения о ее несостоятельности? Действительно, кто она – и кто Влад?

– Чего ты опять испугалась? Ей в любви признаются, а она готова со страху сбежать, – снова поцелуй, и Настю вдруг притянули куда-то. Как-то внезапно она оказалось на Беринге сверху. – Ты настоящая. Откровенная, очень открытая. Даже когда темнишь и врать мне пытаешься. И я только с тобой рядом могу быть таким же. Не играть роль, а жить. Я люблю тебя, понимаешь?

Она могла бы возразить, что еще только учится быть рядом с ним совершенно свободной. Что старается играть по его, Влада, правилам, которых пока совершенно не знает. Что ей порой неуютно и даже страшно быть женой морфа. Но посмотрев прямо в глаза, поняла: а он прав. Выходя из их с Настей дома Влад надевал маску. Играл свою роль. Настоящим его видели только дети и она. Таким вот – очень разным, кидающим в стенку телефон, как сегодня. Или жалобно и беззащитно рычавшим, как только что в ее руках, на этой самой кровати. Хохочущим и дурачившимся с детьми. Скачущим на батуте в их лесном доме. Все поняла и молча поцеловала. Давая зарок себе: будет стараться рядом с ним быть самой собой. Не казаться, а быть. И учить свои трудные роли для всех остальных окружающих.

– Так что у нас с ужином? Четыре голодных мужика и затра… э-э-э… ненасытная я. Пакетики чая, сахар, ложки тарелки и вилки. Уравнение не решается, дорогой. Что же мне делать?

Он рассмеялся, тихо и низко.

– Моя послушная жена, если я приглашаю друзей, то я и забочусь об ужине. Прямо сейчас встаю… нет, не там, а с кровати. Иду убираю на кухне, а Сибировы ужин с собой принесут. Здорово я все придумал?

Невозможный. Лежал под ней, как… как медведь и тихо смеялся, лукаво блестя глазами и соблазняя жену ямочками на щеках. Да всем соблазняя, говоря уж совсем откровенно.

Осторожно ссадил ее на кровать. Как они тут оказались? Не помнила совершенно. И как он плед успел накинуть на голую постель, тоже не помнила.

– Влад, а балкон в твоей квартире есть?

Он успел натянуть прямо на голое тело мягкие штаны, а теперь рассматривал большую светлую футболку на предмет входа и выхода.

– Кого спускать собралась? Нет, в старом фонде почти нет балконов. Есть эркер в гостиной. Странно, что ты не заметила, там четыре окна от пола до потолка высотой.

Она вообще ничего не заметила с этой… Ириной. Кстати!

– А Ирина? – он замер на выходе из спальни, медленно к ней обернувшись и улыбаясь насмешливо, – она и в самом деле была твоей женой? – словно споткнувшись о взгляд пояснила, – ну, гражданской…

Беринг снова смеялся. Он даже вернулся обратно, поцеловал ее в лоб, щелкнул по носу и прорычал:

– Я даже не думал о таких глупостях, как семейная жизнь. На то были причины, и много. А потом вот… женился скоропостижно и до сих пор не жалею, представь себе. Так что если вдруг кто еще рискнет представиться тебе моей женой, гони сразу взашей.

Расстроилась и не прониклась.

– Меня тоже? Взашей потом? Как Ирину, с охраной?

Смеяться не перестал почему-то и не смутился.

– Я купил ей квартиру, машину и оплатил все кредиты. Это было условием сделки, заключенной по всем правилам жанра, с письменным договором и сроком ее исполнения. Она даже любовницей моей никогда не была. Спутница на переговорах и конференциях. Фантазировала много – да. И язык распускала. Там личного не было ничего совершенно, счастье мое, мое рыжее ревнивое солнце. Веришь?

Зачем он перед ней оправдывался? Взрослый мужчина, подобравший на деревенской окраине себе жену, был волен строить свою жизнь, как ему заблагорассудится. Верно же? Но Настасья сидела на краю огромной кровати и улыбалась в ответ, совершенно счастливая. Верила.

В дверь раздался звонок, и Влад, чертыхаясь, рванул навстречу гостям, бросив ей через плечо:

– Ты только голой на кухню к нам не выходи. Или все же придется в окно выкидывать этих Сибировых.

– Я даже могу причесаться! И зубы почищу ради Эмиля!

В ответ раздался раскатистый волчий хохот. Упс. Неловко как получилось, теперь точно придется ей делать вид приличный и скромный. Или не стоит?

Пока она “делала вид”, с трудом отыскивая разбросанную по всей спальне одежду (найти трусики на плафоне светильника было довольно… неожиданно), пока собирала в плотный хвост свою бурно разросшуюся на Лукане рыжую шевелюру, на кухне творилось нечто веселое.

Судя по звукам – готовился пир на весь мир. Мужчины громко порыкивали, как настоящие звери, обсуждали весело что-то вполголоса, двигали мебель. Выходить было боязно. Но аппетитные запахи горячей пиццы выманили голодную Настю на кухню. В конце концов: хозяйка она или кто?

Правда, “хозяйка” не с первого раза открыла дверь спальни, толкая ее от себя. Но вид сделала очень уверенный и, вспоминая недавнюю школу Ирины, прошествовала плавным шагом, пусть босиком, но от бедра в общество тех мужчин, которых с полным правом могла называть бы “своими”. Ее личный муж, ее друзья, телохранители, вечные критики и соратники. Колоритная, кстати, компания собралась.

В мире Земли они больше не играли роли Правителя и его верных солдат. Здесь они были практически братьями. И это физически ощущалось: едва Настя вошла на кухню, сразу же все поняла.

– О! Люди какие, а мы шляп не взяли!

Она удивилась. Зачем волкам шляпы? Ответом на ее удивление снова был громкий смех.

– Эрнест имел ввиду, Асенька, что приличные манеры требуют снимать шляпы при виде прекраснейшей дамы.

“Дама” себя осмотрела скептически: штанишки короткие, маечка мятая, ноги босые (небритые!), хвост на затылке и на плече смачный засос. Потрясающе. Захотелось быстро сбежать обратно в спальню, но Влад ее опередил, опять очень чутко уловив ее робость и даже смущение. Обернул быстро в откуда-то взятый огромный махровый халат, усадил на свои колени, вручил огромную тарелку с пиццей, придвинул запотевший стакан с чем-то ароматно пахнущим и продолжил рассказ.

– Эрнест, ну ты помнишь ведь эту лисицу? Да не морфа, это была просто метафора. Переводчицу мою, Ирину. Тебе она еще очень нравилась. Представляешь, приехали мы, а тут гости.

Средний Сибиров насупился, вяло отмахиваясь.

– Это Эду нравятся все твои… – быстрый взгляд в сторону Насти, и он поперхнулся, – коллеги твои. Я предпочитаю девушек крепких. Ну что вы хихикаете?

– А хихикаем мы над ним, уважаемая Настя-хозяйка, по причине того, что последняя крепкая девушка Эда отлупила его крепким веником до синяков, – Эмиль веселился, попивая свое пиво и закусывая пиццей. Бросал хитрые взгляды на Берингов и почесывал свой длинный нос.

Настя знала уже: это был верный признак того, что Эмиль сильно волнуется. Отчего? Что случилось такого, встревожившего этого сильного, умного и надежного морфа?

– Эдуарду очень повезло, наверное. Лучше уж синяки до помолвки, чем после, – Настя хотела весело пошутить, но все вдруг замолчали, задумавшись.

– Кстати, о синяках. Влад, завтра я отбываю в ваш лагерь, взялся там поработать инструктором рукопашного боя. Машина на месте? – Эд вдруг стал серьезен и даже строг.

– Возьмешь мою. По городу проще перемещаться на малолитражке, – поймал скептический взгляд всех Сибировых разом, – влезу, влезу. Я стройный. А малышка крепкая.

– Кстати о малышках, – Эрнест добивал свой высокий стакан, дожывая кусок пиццы. – Сударыня наша Настасья, условия вашей охраны не изменяются. А судя по тому, что мы знаем теперь: есть смысл их даже ужесточить.

– А что мы теперь знаем? – Настя беспомощно оглянулась на Беринга. – Тигров тут нет, от гопников я сама как-нибудь уберегусь. Да и Влад будет рядом…

В ответ муж поцеловал ее нежно в висок и вздохнул.

– Помнишь происшествие на заправке? Мне не понравилось. И поджог вашего дома, а это был безусловно поджог, оптимизма не внушает.

Сидевшие рядом волки синхронно кивнули в ответ.

– Я теперь на всю жизнь под охраной? Внезапно!

– Жены всех правителей так и живут, Асенька. Но дело не в этом. Смерть твоей матери, пропавший Шапкин, сгоревший дом: слишком много загадок. Давай будем распутывать этот узел без жертв.

Не нравился Насте этот его тон. И то, что Сибировы прятали глаза, тоже не нравилось.

– Вы от меня что-то скрываете, верно? Влад, почему?

Он помолчал несколько секунд, подбирая слова.

– Знаешь, я все же ученый. Есть ряд гипотез, разных – от совершенно фантастических до прозаичных. И нет доказательной базы. А теория без доказательства – просто домысел. Игра сознания, сказка, фантазия. Получу доказательства – поделюсь с тобой. Раньше нет смысла тревожиться. Особенно с твоей бурной фантазией, правда.

Настя молча доела последний кусок на тарелке, сползла с колен мужа, всем помахала рукой и пошлепала босыми ногами прямехонько в спальню. Чтобы фантазию не тревожить, конечно.

9. Письменные источники

Не хотела она просыпаться. Сны снились хорошие, а какие – забыла уже. Вся ночь прошла в полудреме. То чудное чудо, о котором Настасья столько слышала и которое так мечтала увидеть – легендарные “белые ночи” – оказалось природным явлением неприятным и даже утомительным.

Если в дороге у нее не было сил удивляться отсутствию ночи, то сейчас уже очень хотелось выключить это надоедливое солнце, пролезавшее даже под веки и требующее срочно проснуться.

Даже нежные поцелуи и горячее тело мужа под боком оптимизм не внушало.

– Проклятые белые ночи…

– Насладилась? – тихо засмеялся и встал.

Спустя несколько минут раздался тихий шелест, и наступила настоящая ночь. Темная, великолепная, долгожданная. Кровать рядом с Настей ощутимо прогнулась под тяжестью тела медведя. Какой же он все-таки громадный!

– А… что это было? Влад?

– Испугалась? – фыркнул ей прямо куда-то в живот, отчего россыпь мурашек весело заплясали по коже. – Просто жалюзи, специальные. Я думал, ты захочешь насладиться экзотикой. Белые ночи…

– Спасибо, мне было достаточно. Какие там планы у нас на сегодня?

– Провести день в постели, отдавая супружеские задолженности? Да с процентами, да пени накапали, м-м-м…

– А чем мой возлюбленный муж собирается заниматься всю зиму? Может, накопить долгов этих впрок? И тогда…

Планы на зиму Насте пришлось отложить. Как возражать ему, так аргументированно доказывавшему свою правоту? К тому же в другой весовой категории и с таким темпераментом! Но спустя два часа, уже в душе, разомлевший от нежностей Беринг был согласен на все совершенно.

Даже на прогулку по городу, где в роли экскурсовода он выступит сам.

Влад знал Питер отлично и очень любил. Его огромная квартира в самом центре Васильевского острова была бывшей коммуналкой, половина окон которой выходила в классический “двор-колодец”, половина – на угол Девятой линии и Большого проспекта. Гул транспорта пробивался даже сквозь толстенные стеклопакеты, звуки города очень тревожили Настю, уже привыкшую к тишине леса. Даже в столице Урсулии было тихо. А здесь от обилия звуков становилось порой даже страшно. Мегаполис давил шумом, запахами, светом.

Но чисто женское любопытство возобладало, и спустя еще час они уже быстро шагали по Среднему в сторону Невской набережной.

Торопливые пешеходы, трамваи, машины. И рука, такая крепкая, горячая, надежная. Они шли и молчали, раздумывая каждый о чем-то своем.

После пешеходного светофора Беринг утянул ее в весьма подозрительную подворотню, ведя лишь ему известными тропами. Маленькие дворы, внезапные магазинчики, даже ломбард. Еще поворот, а дальше вход с совершенно нечитаемой вывеской и крутая лестница с неровными ступенями вниз.

Острый запах старых книг, стены, зашитые полками с книгами. Лавка букиниста. Царство пожелтевших страниц и видавших целые смены эпохи обложек.

Влад был сосредоточен и строг, он явно здесь оказался с какой-то осмысленной целью.

– Рада видеть вас снова, гёз Беринг. С супругой? Как мило…

– И я вас в добром здравии, разрешите представить: Анастасия. И мы к вам традиционно по делу, несравненная Аделаида Ивановна.

Самое поразительное в происходившем было даже не то, что неведомая Насте собеседница знала откуда-то все о семейных отношениях Берингов. Нет. Аделаиду Ивановну эту, говорившую голосом очень приятным, низким, как будто прокуренным, но с интонацией мягкой и располагающей, девушка как ни старалась найти в небольшом пространстве лавки, но так и не обнаружила. Только голос.

Настасья подобного не любила и тут же начала нервничать, что не укрылось от внимательного супруга, мягко ее приобнявшего за плечи. Влад поцеловал жену в рыжую макушку, привычно вдохнув запах волос. Он всегда делал так, когда хотел привлечь к себе ее внимание. Подняла голову, в очередной раз поражаясь размерам этого человека. Медведь… С трудом сдерживающий смех, между прочим. Едва уловимо кивнул куда-то наверх, и Настасья увидела.

Потолки в Питерских квартирах давно были чем-то вроде брэнда этого города. Даже в этом подвале высота потолка была метра четыре. И вот там, под самой витиеватой лепниной на тоненькой лестнице сидела… фея.

Она с любопытством разглядывала Настю, держа в тоненьких пальчиках громадный том какой-то старинной (судя по переплету) книги. Как это чудо умудрилось на невообразимо высоких и тонких шпильках (да что они тут, сговорились, что ли – все красотки носят немыслимые каблуки!) взобраться на такую высоту и, уверенно балансируя, рыться там в в книгах? Хорошо еще, легкие, но весьма соблазнительно обтягивающие грациозные формы Аделаиды брюки не мешали. Юбку Настя бы не пережила, то есть взгляда Влада под юбку прелестного этого создания. Белокурая, с огромными голубыми глазами, фе… то есть Аделаида вдруг рассмеялась все тем же смехом демона-соблазнительницы, обнажив безупречные зубы и ямочки на щеках, и очень серьезно заверила Настю зачем-то:

– Замужем, безнадежно и очень удачно. Трое детей, в конце весны ожидаю четвертого.

– И Георгий тебе разрешает работать? Ну…

– Ага, – отозвалась безупречная Аделаида, ловко подхватывая с дальней полки еще более увесистый фолиант и отправляя на место тот, что держала в руках в момент их прихода.– Мы его еще просто не зачали. Так что Жора не в курсе, он вообще еще в рейсе. Вот, смотрите, специально для вас.

И она спорхнула с этой высоты, перебирая по лестнице ножками в шпильках с такой скоростью, что Настя поймала себя на попытке найти крылья у феечки за спиной.

– “Зоогеография распространения мифических животных: гипотезы и факты”, 1955 год, акк. Гуров. Вот уж не думала, что такие серьезные личности занимались легендами.

– Запиши на мой счет, душечка. Больше совсем ничего? Придется идти в библиотеку Академии наших наук… Там Алевтина, она…

Феечка вдруг вспыхнула и превратилась в мегеру. Поджатые губы, строго сведенные брови, пылыхнувший недобро взгляд. Даже ножкой топнула своей крохотной очень сурово. Развернулась и исчезла за скрытой книжными полками дверью подсобки.

– Алевтина – ее сестра-близнец. Библиотекарь, они вечно соперничали. Сейчас точно найдет нам что-нибудь просто из вредности.

И действительно: вредности Аделаиды хватило еще на целую стопку книг, посвященных легендам об оборотнях и мифических существах всех народов. На четырех языках, включая японский.

Беринг все оплатил и заказал доставку на дом. И они двинулись дальше, выйдя из лавки через еще одну потайную дверь, выходившую сразу к скверу на Набережной Невы.

После душной тьмы лавки, пропитанной запахом пыли и древних трактатов, летнее солнце ударило по глазам, заставив Настю закрыть глаза на мгновение.

– Влад, а почему… – вопрос этот вертелся на языке все последние полчаса, но в лавке она, по понятными причинам, задать его не посмела. – Аделаида сказала мне про замужество свое? Я ведь не спрашивала.

Беринг рассмеялся, тихо пофыркивая, как умел только он. Притянул Настю под бок, пальцами трогая подбородок, заставив поднять взгляд навстречу нежному поцелую.

– Ты лица своего не видела, Асенька. Вот уж не думал, что буду получать удовольствие от женской ревности. Ты напрасно тревожишься, солнышко мое деревенское. Ни разу еще в своей жизни я никому не говорил, что люблю. Только тебе. Ты это просто запомни, родная.

Даже дышать легче стало. Оказывается, она собственница. Никогда раньше Настя за собой подобного не наблюдала и даже не знала, что умеет ревновать. Да и кого? Ну не Вальку же, право! Особенно, если учесть, что в истории с Валькой она таки оказалась пусть не разлучницей, но как минимум – заменой.

В библиотеку они все-таки заглянули. Алевтина была неподражаема: фундаментально беременна и безмятежно счастлива. С солидным “уловом” – внушительной стопкой книг – направились в святая святых: Питерский Университет на ту самую кафедру.

Что такое “кафедра биофака”, Настя себе представляла весьма приблизительно. Воображение рисовало нечто вроде сцены провинциального почему-то театра с зеленым плюшевым занавесом, потертым и побитым молью. Ну, это же все-таки Питер, культурная столица. Не может же здесь быть также просто, как в провинциальном ВУЗе? Должна быть какая-то изюминка, особая атмосфера… Все, на этом запас фантазии Настин заканчивался. А потому за решительным Берингом она следовала затаив дыхание и волнуясь.

Летом в здании “Двенадцати коллегий” было еще почти пусто. Как Влад объяснил: абитуриентов не было еще, а студентов – уже. Сессии все закончились, вступительные экзамены не начинались. Редкие и случайные сотрудники, секретари и рабочие одинокими фигурами выделялись в пустоте огромных коридоров. Стены, заполненные огромными стеклянными шкафами, полными старинных книг, высокие окна, между которыми висели портреты суровых ученых, смотревших на девушку с неодобрением.

И запах… В последнее время в Настастином маленьком мире все запахи обострились, став очень важной частью ее жизни. Здесь пахло знаниями. Книгами, рукописями, чернилами, работой мысли, спорами и неопровержимыми доказательствами. Потертым дубовым паркетом и гипсовой лепниной высоких потолков. Замерла, прислушиваясь к себе… принюхиваясь.

И кафедра… после многочисленных переходов по каким-то темным загадочным коридорам, лестницам и крутым поворотам они вышли к загадочной “кафедре”. Обычные кабинеты, вяло жужжащие мухи на потолке. Стеклянные стеллажи во всю стену, из недр которых выглядывали бусинами ярких глаз чучела мелких животных. Настасья поежилась, отчего-то представив себя на этой вот полке. С табличкой: “Настя Беринг, абсолютное недоразумение.”

Вздохнула, и точно почувствовав ее смятение Влад нашел руку девушки, едва ощутимо пожал и потянул ее дальше. Мимо мертвых взглядов таинственных экспонатов, мимо высоких деревянных шкафов, пахнувших старой бумагой и книгами, в темный тупик коридора.

– Тут наш кабинет, сейчас я вас с ним познакомлю. Готова?

Пока она соображала, переваривая это шутку, раздался щелчок ключа в замке, тихий скрип двери, и яркий сноп солнечных лучей ослепил на мнгновение.

– Ой! – вырвалось совершенно случайно. Само по себе.

Беринг в ответ улыбнулся лучезарно, как умел только он, демонстрируя и белоснежные зубы (сразу видно – хищник!), и совершенно мальчишеские ямочки на щеках.

– Нравится? Мне тоже. Но это совершенно не моя заслуга, тут работает еще и мой очаровательный коллега. Надеюсь, вы еще познакомитесь.

Словно мало ей было “очаровательных” вокруг Беринга. Скрипнула зубами, вызвав усмешку. Ну и пусть. Да, ревнует, и, между прочим, она имеет на то все права!

Кабинет Влада и неведомой “очаровашки” покорял воображение. Он походил на тропический лес. Растения были повсюду, так много, что Настя невольно прислушивалась, ожидая пения птиц. Всполохи яркой зелени и пятна волшебных цветов, ошеломительные запахи. Девушка никогда не была поклонником комнатного цветоводства, в ее доме плохо росли даже суровые кактусы и умирало от обезвоживания стойкое и терпеливое алоэ, но здесь… Настя почувствовала себя вдруг как дома. Настоящая магия!

Осторожно направляя ее медленное перемещение по кабинету, Беринг подвел жену к письменному столу. Антикварному, огромному, резному, остро пахнущему старым лаком и дубом.

– Присаживайся. Я просил коллегу мне подготовить пару документов из экспедиционных архивов. Прелюбопытнейших.

С трудом оторвавшись от созерцания целой коллекции орхидей на стене, Настя сделала вид сосредоточенный. Получилось. Наверное. Уселась прямо на высокий стол, игнорируя стоящий рядом стул – скорее уж от смущения. Покорила вершину, так сказать. Поерзала, нахмурила брови.

– Это нам как-то поможет?

Влад смотрел ей в лицо. И к своему ужасу Настя вдруг поняла, что взгляд мужа темнеет. Что у мужчин в голове за субстанция? Она только что ощущала себя здесь совершенно излишней. Мир науки, тайное общество просвещенных людей. И она… школьное образование плюс почти три курса провинциального (очень провинциального) ВУЗа.

– Хороший вопрос. Знаешь, о чем я сейчас думаю?

– Архивы? Загадки морфов Земли?

– Этот стол нам подходит. Крепкий, широкий, он многое видел, – и словно в ответ на непрошенно вползшую ревнивую мысль: “ Со многими ли ты проверял его прочность, Беринг?” продолжил, подхватывая жену за плечи и укладывая прямо на плоскость столешницы. – Никогда еще не рассматривал свое рабочее место с такой точки зрения. Что ты со мной сделала, дорогая супруга?

Вот уж никогда не подумала бы Настя, приличная девушка, что заниматься любовью в кабинете доцента (с доцентом, конечно) на старинном столе и с незапертой дверью может быть так… волнительно-сладко. Восхитительно и незабываемо.

Разомлевшие, нежные, совершенно растрепанные, час спустя они уже снова шли по огромному холлу центрального здания Университета.

– Ой! А документы? Мы совершенно забыли, Влад!

Тихий смех, рука на бедре. Притянул, в волосы поцеловал, прошептав:

– Мне прислали домой их еще вчера утром. Пойдем, полно дел еще, дорогая.

Ася поперхнулась от возмущения. Он приводил ее… познакомить со своим столом?! Вот ведь… змей!

Но смех и любовь в глазах мужа погасили все всплески негодования. А нега в теле… Простила.

10. Самое доброе утро

– Доброе утро, жена.

Ася мучительно выкарабкивалась из бездны самого крепкого сна. Поцелуй на плече, горячие пальцы заправляют прядь волос за ее еще спящее ухо.

– М? Влад! Это жестоко.

Осторожное покусывание мочки уха было ответом.

– Я знаю, как разбудить тебя с пользой и удовольствием. Но ты же будешь ворчать потом?

Будет. Эротические упражнения по утрам, так любимые Берингом, были одой несправедливости и неравенству в браке. Она просыпалась долго, чувства все были словно в тумане, притуплены и замедлены. А Берингу нравился вид ее трогательно-беспомощный. Хищник, что с него взять!

Дорожка покусываний, пробежавшая по плечу и на спину, заставила мужественно открыть глаза. У них был уговор. Или утренние тренировки или… утренние удовольствия. Беринг в любом случае выигрывал, надо заметить. Но сегодня совесть Настасьина несвоевременно постучала в дверь разума. Нашептала ей всякие гадости и заставила отказаться от десерта во имя будущего.

Девушка медленно села, с удовольствием услышав разочарованный вздох супруга. Выбор всегда был за ней, и своей маленькой властью было грех не воспользоваться. Очень маленькой, но все же – властью.

– Я сова, и это жестоко.

– Есть варианты. И кстати, я точно рассчитал твой биоритм. Завтрак откладывается. Водные процедуры – и за работу. Представь себе: такая холодная злая вода и потом целый час тренировок или…

– Я очень мужественная и сильная духом сова.

Сказала и свесила ноги с кровати, с ужасом понимая, что всего шесть утра. Мучительная пытка ранним утром. Беринг все же садист!

Силы духа хватило доползти до раковины в ванной и взять в руки зубную щетку. Мужественно. Смело, и очень решительно посмотреть на себя в большое настенное зеркало и выглядывающую оттуда бедную девочку пожалеть.

Отразившаяся за спиной наглая мужская ро… лицо ехидно ей намекнуло на “варианты”. Пришлось напомнить ему и себе о необходимости тренировок.

– Влад, а почему ты думаешь, что получится?

Говорить с полным пастой ртом и щеткой под языком было не очень удобно.

– Нда. Ты права, надо начать нам с теории. И с мотивации, дважды права.

Он все-таки считал ее умной. Придется соответствовать ожиданиям. Сделать попытку хотя бы.

Сделала очень мудрый вид (сова она или кто?), блеснула загадочно глазками, мысленно себе поаплодировала. Плеснула в лицо ледяной водой.

– Ых!

И в ухо тут же дохнуло горячее:

– Еще есть варианты…

Он не медведь никакой! Он змей. Искуситель.

На кухонном столе стояла странная композиция. Свеча и зеркало.

Беринг посадил Настю перед ними, сам сел за спиной, обнимая. И дыша напряженно в макушку.

– Влад. Тренировка!

Он снова тяжко вздохнул, жестом фокусника доставая откуда-то зажигалку и зажег свечу.

– Смотри в зеркало, что ты видишь?

Посмотрела, расстроилась. Лицо невыспавшееся, волосы дыбом, прыщ на носу. И ро… Беринг смотрит внимательно из-за плеча. Только одно и утешило Настеньку – смотрит с нежностью и любовью.

– Ась, смотри на свечу. Что. Ты. Видишь?

Присмотрелась. Обычная свечка, парафиновая, огонь тоже обычный.

– Свечка горит.

– А теперь, Асенька, смотри очень внимательно. И запоминай, что увидела. До самых мельчайших подробностей запоминай.

Он осторожно прижал к ее вискам горячие свои ладони и дунул на пламя свечи. Сильно дунул, так, чтобы не оставалось никаких сомнений в результате. Пламя погасло. Но в зеркале… в зеркале не изменилось вообще ничего. Всё та же свеча продолжала гореть, лишь вздрогнув от дуновения.

– Это… фокус?

– Я показал тебе кусочек другого пространства, – Беринг убрал руки и свечка в зеркале тут же погасла. – Мы с тобой сейчас во вселенной реальности.

Только теперь Настя заметила лежавший на столе белый лист очень плотной бумаги.

Влад взял в руки лист и сложил его пополам.

– Смотри. Эта плоскость – наша реальность. А вот эта – то, что люди называют магией или колдовством. Заметь, они неразделимы. Две половины одного листа, имя которому – мысль. Разум, сознание. Самое загадочное во всей Вселенной явление.

Настя невольно восхитилась педагогическими талантами Беринга: так интересно ей лекции еще никто никогда не читал. Если бы в институте был хоть один подобный преподаватель, она бы его не бросила.

– А кто… сложил этот лист?

Беринг задумчиво усмехнулся, с явным уважением взглянув на Настасью. Похоже, за умную сходить у нее получалось… пока.

– Это вопрос философский. Давай вернемся пока к темам попроще. О высоких материях… – он взглянул на часы, – когда будет чуточку больше времени. А теперь посмотри.

Он прижал обе плоскости плотно друг к другу.

– Люди как это только не называют. И инициацией, и открытием дара, и оборотом. А на деле все просто. Когда разум находит путь в магическое пространство, реальность его становится вот такой. Видишь? В два раза крепче и толще. Но – все та же реальность. Для нас наши звери – реальность. То, что люди зовут магией и колдовством – тоже реальность, – он перестал придерживать пальцами сложенный лист, и тот развернулся. Две стороны отдалились практически под прямым углом. – А для остальных эти две плоскости далеки бесконечно, – он снова расправил лист в плоскость. – Для большинства даже вот так.

Настя смотрела во все глаза на этот простой и невероятный урок. Мир вокруг вдруг стал другим совершенно.

– Погоди. То есть… каждый может быть… Вот этим, толстым и прочным?

Снова искра уважения в темном взгляде. За эти минуты она выросла в собственных даже глазах.

– К сожалению, нет. Хотя… скорей, даже к счастью. Способности все же наследуются. Как… ну, к примеру, таланты. Жать на клавиши механически можно каждого научить, но единицы сыграют Шопена. И склонность талантов наследуется. Этакий фильтр.

Настя сникла. Это был приговор, оставалось лишь взять эту свечку на память и уйти плакать. Единицы…

– Значит, все это зря. Влад. Зачем я тебе, вот такая? Шопена мне не сыграть.

Беринг снова ей улыбнулся, приложил ладони к вискам и целуя куда-то в макушку.

– Посмотри. Видишь?

Пламя свечи снова горело. В отражении, только там. Настя всхлипнула молча в ответ, получив еще один поцелуй и улыбку.

– Увидеть такое могут только те самые, единицы. Те, кто играет Шопена. Одаренные. Те, кто может сложить всю страницу.

Настя смотрела на отражение и не могла насмотреться. Все остальное вокруг стало вдруг совершенно неважно. Только она, это пламя и Влад, смотревший на нее сейчас так…

– Влад… Я… Это правда?

– Я был в этом уверен. Есть еще кое-что. Очень важное и нас обоих касающееся.

Настя развернулся на стуле к медведю лицом, краем глаза увидев, что пламя погасло.

– Расскажи. И у меня еще много вопросов!

– На следующих тренировках, любимая. Мне пора убегать. И помни этот огонь. Когда будет трудно, когда покажется, что все безнадежно – вспоминай. Ты не просто одарена, твой огонь очень силен. Горел фитиль ярко.

Сказав это, еще раз поцеловал и был таков. Вот ведь… змей! Это он умудрился провести важнейший в жизни Насти экзамен, да так, что она и не заметила даже! И слушая звуки торопливых сборов (с обязательными мужскими утренними ритуалами вроде поиска пары носок), девушка думала только о том, как же ей повезло с этим невероятным, потрясающим и исключительным Берингом.

А потом пришлось брать себя в руки и приступать непосредственно к тренировке. Еще вчера вечером ей совершенно не верилось в эту затею. Балерину не сделать из каждого встречного даже упорными тренировками. А теперь… Влад вдохнул в ее душу надежду. Даже уверенность: она сможет, нужно лишь захотеть. Очень хотела, немыслимо, до зубовного скрежета. Вспоминая, как этой зимой, когда они все, наконец, переехали в столицу Урсулии, Руму, ей изо всех сил приходилось учиться жить как морф. Сомневаясь, не веря.

Говоря откровенно, только лишь отношение жителей Румы к своему лидеру заставило их Настю принять. Пусть не сразу, зубами скрипя, удивляясь, но звание “человеческая жена Беринга” стало ей настоящим щитом. Беринга здесь не просто любили или уважали. Нет. Иногда ей начинало казаться, что каждый житель Свободного острова лично знаком с ее мужем и считает себя Берингу в чем-то обязанным. Впрочем, отчасти оно так и было: большая часть жителей это страны были сами эмигрантами или потомками беглецов. И жили они под защитой последнего из племени проводников.

Весь мир Насти тоже вращался вокруг этого невероятного человека. Морфа, медведя, ученого, проводника. Она ему была очень нужна, Настя знала. Не просто возлюбленной, а подругой и даже соратником. А потому…

Придется ей снова учиться, тренировки и тренировки. Как в первый класс школы пошла.

Школу Настя вспоминала с устойчивым содроганием. Учиться она не любила. В деревенской школе было скучно. Дети там не рвались к знаниям, часто убегая с уроков. Настя тоже убегала. В городе ей нравилось больше, вот только знаний и терпения ей остро не хватало, да и учителя часто говорили: «Да что с неё взять, с деревни», совершенно не учитывая, что отец у Насти был вполне себе настоящим художником, да и мать не была глупа. Если бы не внезапная ее беременность, Маше Анискиной вполне можно было ехать в город в институт, аттестат у неё был очень даже приличный. Не в кого было Насте быть дурой.

Только к девятому классу, осознав перспективы возвращения в деревню, Стася рьяно взялась за учебу. Ходила хвостом за учителями, вгрызалась в учебники, заучивала формулы и теоремы. Физика и химия ей так и не поддались, а математика нравилась. И сочинения ее даже отправляли на конкурсы.

Как давно это все было: словно в прошлой жизни! Острова воспоминаний всплывали в общем тумане беспамятства. Отчего-то детство свое девушка помнила очень плохо. Над ней еще Валька смеялся: “Безмозглая курица ты!”.

Снова он непрошено в голову влез. Где он, что с ним? Не чужой ведь человек, порою даже – хороший друг. Пусть и струсивший тогда, когда ей была нужна поддержка. А если бы не струсил – она бы не встретила Влада. Поэтому девушка великодушно его простила. Так было надо, все произошло к лучшему.

Настя теперь понимала: они все равно бы расстались рано или поздно. Выросли бы друг из друга. Пора была двигаться дальше. И скорее всего, это Валька бы бросил свою “деревенскую дуру”. Так что…

Все! Надо было сосредотачиваться, брать себя в руки и тренироваться. Сходила в спальню, нашла в сумках папку с толстой тетрадью – Ванькиной бесценной находкой.

“*Основы родовых ритуалов всех древних двуликих родов*”.

Положила на стол. Сосредоточилась, успела даже прочесть первые строки, написанные крупным, убористым почерком. И тут она вдруг уловила очень странный звук. Будто кто-то поскреб входную дверь. Странно: за последние месяцы у нее явно характер испортился, а вот слух и нюх обострились.

Настя бесшумно убрала тетрадь в ящик кухонного стола. На цыпочках выскользнула из кухни, столкнувшись в своем собственном холле с… Эмилем.

Тот молниеносно зажал Насте рот, гася сопротивление, и прошептал в ее ухо:

– Т-ш-ш. Ребятки блокируют нападение на квартиру. А теперь я тебя отпускаю, а ты не кричишь, все вопросы потом. Если согласна, можешь меня укусить.

Ох уж она постаралась. Даже выдержанный волк беззвучно зашипел, тряся укушенной лапой и отпустил ее.

Нападение? Хорошенькое завершение лучшего в ее жизни утра…

11. Валентин

– А теперь, Анастасия, мы завтракаем, собираемся и едем гулять. Будто и не было ничего. Собирайся, и отставить истерику.

Легко ему было сказать. Настю трясло крупной дрожью. Зубы выстукивали дробь по стакану воды. Волки с двух сторон обступили ее, и что странно: их присутствие успокаивало. Даже искусанный Эмиль был сейчас ее дороже и ближе всего злого мира за дверью. Кроме, конечно же, Берингов.

– Влад знает? Вы сообщили ему?

Эрнест покачал головой отрицательно. Было понятно, что ничего больше говорить волки ей не собираются. Рука сама потянулась к телефону, лежавшему на столе. Эмиль ее перехватил, девушка зацепилась взглядом за кровоподтек на ребре ладони. Стало стыдно. Но он лишь в ответ ухмыльнулся.

– Не стоит тревожить его, сегодня у Беринга важный день, и боюсь… это связано именно с нападением. А потому строго следуем плану. Завтракаем и гулять. Влад набросал нас список мест для посещения. Ясно?

Захотелось ответить “Так точно!”, лапу к уху приложить и встать в строй. Не так виделись девушке эти каникулы: в одиночестве под конвоем маршировать по летнему Питеру точно она не мечтала.

– А куда мы?

Эмиль задумался на секунду, а потом судьба решила все за них.

Мелодично звякнуло сообщение на айфоне, и Настя невольно, по старой привычке мазнула пальцем по экрану, уверенная, что снова пришла смс о распродаже в каком-то из сетевых магазинов. Здесь ей вообще никто не интересовался, даже тетка, которой девушка позвонила, чтобы сообщить, что ее не сожрали зимой серые волки (ха-ха, тут она лукаво взглянула на Эмиля и Эрнеста), ответила единственной племяннице очень сухо нечто вроде “Некогда, я на совещании. И вообще очень разочарована твоим образом жизни, я тебя воспитывала совсем по-другому”. Странно, на что это она намекает?

Уже и неважно.

Теперь же вдруг оживший айфон сообщил Насте, что абонент Валентин вновь в сети. Влада рядом не было, посоветоваться было не с кем, и Настя нажала кнопку звонка на свой страх и риск.

– Да? Слушаю, – нетерпеливо и громко раздалось из телефона. Голос Валькин, но интонации совершенно чужие. Ее бывший парень всегда отвечал на звонки дурацким “Внемлю” или “Прачечная у аппарата”. Так ему казалось остроумнее.

– Валентин, это Настя.

– Какая еще Настя? Из приемной комиссии? У вас какие-то вопросы?

– Настя Лисицина, балда. Теперь – Беринг.

– О, какие люди? Богиня почтила своим появлением грешную землю? Ты где? В Ярике? Надолго?

– Нет, я…

– Слушай, я в Питере. Мне до Ярославля… двенадцать часов автобусом. Только в воскресенье смогу, подождешь?

– Валь, я уже…

– Ладно, я тогда тебе одну штуку экспресс-почтой прям-щас отправлю, только…

– Заткнись уже, Миронов, и выслушай меня. Я тоже в Санкт-Петербурге.

В трубке внезапно воцарилось молчание, а потом невидимый собеседник осторожно спросил:

– Да? Совпадение? Не думаю. Нам нужно встретится тогда, Анастасия. Давай так: удобнее всего будет встретиться в центре. Запускай навигатор и приезжай на Васильевский остров. Жду тебя в два часа в Токио сити. Метро Василеостровская, Средний проспект. Как из метро выйдешь, сразу налево, там меньше ста метров, найдешь. Как раз между часами “пик” и успеешь приехать. Узнаешь меня?

Удивилась. Угукнула совершенно невежливо и отключилась. Чего она там в нем могла не узнать?

Вот и маршрут прогулки определился.

***

И все-таки Валентин ее смог удивить. Изменился он капитально, с первого взгляда и не узнать. Куда девался смешной, криво подстриженный парень в очках (ужасно ему не шедших, но надеваемых “для солидности”) растянутой толстовке, худой и какой-то нелепый? В нем поменялось все: и стрижка, и походка, и разворот плеч. Даже джинсы и свитер были совсем другими, явно уже из хорошего магазина, а не секонд-хенда на Первомайской. Но главное, взгляд: уверенный и спокойный. Почти что мужчина, уже не мальчишка.

Он тоже ее не сразу заметил. Наверное, сложно было поверить, что эффектная девушка, сидящая за одним столиком с двумя одинаковыми крепкими мускулистыми блондинами, и есть его деревенская подружка. Наконец, в лице Валентина появилось узнавание, он даже глаза раскрыл так широко и улыбнулся дурашливо, и у Насти от сердца отлегло. Нет, не такие уж и разительные перемены.

– Ну здравствуй, пропажа, – опустился он к ней за столик. – Целоваться, пожалуй, не будем, я с замужними не целуюсь, не для них моя роза цвела. И который из этих твоих красавцев – Беринг? Не отвечай, я сам угадаю – у вас мжм?

Лицо Эмиля вдруг побагровело, а Эрнест фыркнул по-звериному.

– Это моя охрана, Валь, – быстро сказала Настя, начиная злиться. Нет, она поторопилась. Нисколько этот обормот не изменился.

– Да я понял, понял. Они могут попить свой кофе за другим столиком, а?

– И мне потом им пересказывать? Слишком долго. Давай к делу.

– М-м-м, вот прям сразу? Уговорила. Я, кстати, тебя искал. Пробил Беринга по всем каналам. Владимир Михайлович Беринг, место рождения – город Санкт-Петербург, тридцать два года, уже даже доктор наук, еще почему-то доцент, биолог, член кучи всяческих академий со страшными названиями, куча публикаций, уважаемый человек. И не бедный, как я понимаю. Нехило ты замуж выскочила, лисеныш. Вижу, что брак удачный, да?

– Не знаю, что ты там видишь, но да, удачный.

– Ты изменилась и очень сильно. Стала такая…, – Валька описал в воздухе нечто похожее на гитарные изгибы и лукаво подмигнул хмурому Эмилю. – Вот что деньги с человеком делают.

– При чем тут деньги?

– Косметолог, парикмахер, стилист, дорогие шмотки, – перечислил парень. – Волосы наращивала или процедуры всякие? Шикарные стали. Ладно, не злись, я не мастер комплиментов. Одно только скажи, что такого секретного в Белогорском заповеднике, что туда вообще никого не пускают? Я даже с отцом помирился ради его связей. И все равно – закрытая зона. Там что, ядерное оружие производят? Секретная база НАТО? Биологические лаборатории по клонированию динозавров, что?

– Редкая флора и вымирающие виды фауны, – скупо бросил Эрнест.

– Уникальная биосфера, – добавил Эмиль.

– О да, про вымирающее я нашел. Медведи эти берингийские, кабарги белогорские всякие.

– Заявку оставляйте и приезжайте, – снова подал голос один из “Э”. – Ничего секретного. Вход всего восемьдесят рублей, между прочим.

– Ну конечно, – ухмыльнулся Валька, заглядывая все же в меню. – Это если по разрешенным маршрутам. А вглубь уже не пускают, я пробовал. Ну да ладно. Говорите, нет динозавров? Жаль. Настя, а кто такой Шапкин?

Резкий перевод темы заставил девушку вздрогнуть.

– Мой отчим, – неуверенно ответила она. – Участковый в Глухаревке. А что?

– А ничего. Шапкина Василия в природе не существует, чтоб ты знала. Документы его я нашел в базе данных местного УВД, и не смотри на меня так ошарашенно, да, умею, а дальше – вообще забавно. Родился в городе Рыбинске Ярославской области в 1971 году. Кстати, ты знаешь, сколько роддомов в Рыбинске?

– Эээ… один? – растерянно предположила Настя.

– Угадала. Так вот, в 71 году в Рыбинске родилось около двенадцати тысяч детей. Из них Шапкиных – одиннадцать. Семь девочек, четыре мальчика. Василия ни одного.

– И что?

– Ничего. В архивах ЗАГС тоже Василия Шапкина не зарегистрировано. Я проверил несколько лет.

– Зачем?

– И, главное, как? – с подозрением спросил Эмиль.

– Устроился туда на подработку, оцифровывал базы данных. А вот зачем… интересный вопрос.

– Может, он имя сменил? – азартно предположила Настя. – Или даже – имя и фамилию.

– Может, – помрачнел Валька. – Этого я не учел. Проверить можно, но кто ж мне даст доступ…

– Все это очень увлекательно, – не выдержал Эмиль. – Валентин Сергеевич Миронов, 1998 года рождения, зарегистрирован по адресу г.Ярославль, проспект Толбухина 24, квартира 93. Место рождения напомнить? Номер школы? Паспортные данные? Только для чего вы столько сведений собирали, уточните, пожалуйста… коллега.

Валентин вдруг развеселился. Заулыбался во весь рот, откидываясь на спинку стула.

– Вот уж не думал, что я настолько интересная личность! Я в три года ветрянкой болел, это у вас в досье есть?

Настя скосила глаза на суровое лицо Эмиля и его выдвинутую челюсть. Как же ее достали эти мужские игры, эти гляделки и перетягивание одеял! Вальку она знала неплохо, он мог вот так болтать, не говоря ничего важного, часами. Что с него взять, с тик-токера, он этим деньги зарабатывал, между прочим! Захотелось рычать и стукнуть лапой… ладонью по столу. Чувствуя подступающую ярость, она решительно поднялась со стула.

– Я, пожалуй, погуляю, пока вы тут меряеетесь… Своими умениями. Позвоните, когда перейдете к более конструктивному диалогу.

– Ладно, ладно, не злись, – успокаивающе похлопал ее по руке Валька. – Короче, этот ваш Шапкин – темная лошадка. И еще он, кажется, маньяк. Который грохнул твою мать, Настя. Или не грохнул, но ставил над ней какие-то сложные опыты.

12. Опытным путем

Насте захотелось смеяться. Или плакать. Она пока не решила. Глядя на совершенно серьезного Валентина, хотелось закричать, что он дурак и выдумщик, что ничего подобного в ее жизни быть просто не могло. Но Эмиль вдруг опустил глаза и лицо его сделалось каким-то пустым, а Эрнест, наоборот, склонился над столом, внимательно вглядываясь в лицо бывшего Настиного друга.

– С чего вы это взяли, Валентин? – ласково и как-то очень мягко спросил он. У Насти от его тона побежали мурашки по спине. – У вас есть… какие-то доказательства ваших слов?

– Пруфы? А как же. Я ведь, господа охранники, тогда все-таки передумал. Решил, что поступил некрасиво, не по-мужски, бросив свою девушку в деревне одну с мелюзгой. И вернулся. Да было уже поздно, птичка моя замуж тю-тю. Ну, я немного пошарился в доме. На всякий случай. И нашел несколько очень интересных тетрадей.

– И что в этих тетрадях? – скучным голосом спросил Эрнест.

– А вот не скажу. Эй-эй, мужчина, не смотрите на меня так! Не скажу, потому что не знаю. Там на незнакомом мне языке. Я, конечно, прогнал через прогу, даже через дешифровщик, но угадать смог лишь малую часть текста, и то – урывками. Про зверя, про расчлененку и про инъекции.

– Где. Эти. Тетради?

– А почему я должен их вам отдавать? Кто вы вообще такие? По сути, даже Настя к Шапкину отношения не имеет. Он ей никто…

– Ты хочешь денег? – предположила Настя. – Сколько?

– Деньги у меня и самого теперь есть, – фыркнул Валька. – Я ж говорил, что с отцом помирился. К тому же научился всякому, пока искал следы этого твоего отчима.

– Тогда что?

– У Беринга твоего связи немыслимые просто. Он же – чертов гений, доцент… где-то там. Хочу, в общем, в СПГУ. На журфак.

Эмиль присвистнул от такой наглости, а Настя нахмурилась.

– С чего ты взял, что у Влада есть такие возможности?

– Ты, видимо, знаешь о муже своем куда меньше меня, дорогая. Я тут кое-что изучил… Для него почти все двери открыты. Короче, передаете ему мои эти слова и мой телефон. Я учусь тут на подготовительном отделении журфака, живу в общаге. Надо будет – найдет. Все всем ясно?

А вот теперь Настя его совершенно не узнавала. Сталь в голосе, твердый прищур глаз.

– Теоретически… – Эмиль тоже в ответ подобрался. – Мы можем и сами их взять, верно? Ячейка камеры хранений на Московском вокзале не лучшее место хранения тайн.

– И что вам мешает? – голос Вальки предательски вздрогнул.

– Интуиция. У людей нашей профессии она очень развита. Мы передадим Берингу все тобой сказанное. Если Анастасия не возражает, конечно.

– Я сама. Эмиль, пожалуйста, мне еще кофе.

Быстрый взгляд волка, всполох янтарного взгляда. Он будто умел понимать Настю без слов. Братья переглянулись и одновременно поднялись со стульев. Эмиль пошел к барной стойке, средний волк – ко двери туалета. Чем дольше девушка с ними общалась, тем ближе они становились. Такие… опасные, но совершенно свои.

– А я ведь ошибся, – Валька рассматривал ее снова очень внимательно и задумчиво.

– Нам свойственно ошибаться. Слушаю я тебя и в этом опять убеждаюсь.

– Да? Ну и чем же я снова тебя разочаровал? Кстати, тут есть можно, и не только кофе. Скажи своим… этим. Ой, глаза у них страшенные какие, как ты с ними только… Кстати, один из них в тебя того. Влип. В курсе?

Изумленное лицо Насти явно его позабавило. А она разозлилась опять. Что ж такое?

– Не уходи от ответа. Со своими мужчинами я сама разберусь как-нибудь.

Настал Настин через наблюдать удивление на лице Вальки. А вот. И нечего ей здесь!

– Ты просто похорошела. Без всяких. Влюблена? Будто светишься изнутри. Со мной… – голос Вальки внезапно осип,– так не было.

Смешной он. С ним вообще было все по-другому. Они просто выросли.

Краем глаза заметила: волки уже возвращались. Никуда не спешили, словно давая ей время.

– Я люблю его, – тихо сказала, а прозвучало, как гром среди ясного неба.

– Знаешь, а я это понял, когда ты телефон отключила. И стало так больно… Будто сам себя потерял. А потом оказалось – нашел. Ладно, мне пора уже, рад был увидеть. И не обижайся, рыжик. Поверь мне: так надо. Спасибо, может, потом еще скажешь.

Встал, наклонился порывисто и вдруг поцеловал ее в волосы. Потом принял самый независимый вид и, стремительно развернувшись, ушел.

Эмиль, тут же возникший перед взглядом девушки, выглядел очень встревоженно.

– Он тебя обидел?

Пожала плечами. Сложный очень вопрос. Почему-то она не обиделась. На что обижаться? Они даже возлюбленными никогда не были, просто – случайные попутчики. Хотя… этот взгляд Вальки, его странный порыв. Что-то ей говорило: не так все и просто.

Головой покачала. Для закрепления результата даже пожала плечами, мол, этот – и меня вдруг обидеть?

– Я с Владом связался, наш план на день сегодня остается в силе, – и в ответ на немой вопрос Насти добавил. – О своих встречах расскажешь сама. Как договаривались.

Молча допила свой кофе, дождавшись, пока переглядывающиеся многозначительно братья позавтракают, и задумчиво двинулась вслед за ними. Прогулка по городу под конвоем не обещала ничего хорошего совершенно. Так ей казалось.

И совершенно напрасно.

День прошел изумительно. Волки умели быть галантными кавалерами. И, как выяснилось, отдыхать тоже умели. И на речном трамвайчике покатались, и прошлись по каким-то неведомым тропам через узкие переулки дворов-колодцев, прорезая кварталы и выходя из сумеречной тишины старого города в стремительный поток современного мегаполиса. Город контрастов!

Настя столько мороженого, сколько они перепробовали за сегодня, в жизни даже не видела!

И как отдельный подарок – завистливые взгляды всех встречных девушек. Она в окружении роскошных и мужественных блондинов, улыбающихся только ей. Самой себе впору завидовать. Она ощущала себя и красивой, и женственной. Одного не хватало: того единственного мужчины, для которого…

Они возвращались домой уже уставшие (хотя по волкам и не скажешь), поздним вечером. Что-то кольнуло вдруг. Настя притормозила. Медленно оглянулась, увидев. На той стороне перекрестка Среднего проспекта с какой-то-там линией (выучить она их еще не успела) стояла мужская фигура которую спутать с кем-то другим она точно уже не могла.

Он выделялся из толпы, как высокий утес, омываемый со всех сторон людским потоком. Стоял и смотрел на нее. Пристально, улыбаясь, лишь ей.

– Что заморозилась, Анастасия, иди, – Голос Эмиля прозвучал очень близко, буквально за ухом.

– А охранять нас вы будете? Кстати, а Влад почему без охраны?

Засмеялись волки в унисон. Им весело было, ага.

– Он практически неуязвим. Чтобы убить Проводника, его нужно сначала поймать.

Она только было собралась им возразить, припомнив гибель всех старших Берингов, как сзади подошел еще один волк, ее просто бесцеремонно тихонько толкая навстречу медведю.

– Ты – его слабость. Тобой его можно поймать, как не раз уже было с другими проводниками. Помни об этом, Анастасия, пожалуйста. Иди уже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.